

18+

Александр Муниров
Ностальгии жителей
Города-Дома

Александр Муниров

Ностальгии жителей Города-Дома

«Издательские решения»

Муниров А.

Ностальгии жителей Города-Дома / А. Муниров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532962-2

В Городе-Доме живут умные дети и разочарованные взрослые, призраки прошлого и желания настоящего, инженеры и охранники, духи-тадебцо и духи-нгылека, программисты и редакторы, искусственный интеллект и феи. Одни в это верят, другие не верят, а Вторая — знает. Люди постоянно говорят что несвободны, что разные обязательства: перед семьей, перед работой, мешают им достичь желаемого. Но настоящая несвобода — это когда ты не можешь уйти. В этом отношении люди по-настоящему свободны. А Вторая — нет.

ISBN 978-5-00-532962-2

© Муниров А.
© Издательские решения

Содержание

Ностальгия первая: о том, чего не было, или солнечный зайчик	6
Ностальгия вторая: о том, что не случилось, или вдох-выдох	14
Ностальгия третья: о том, чего больше не будет, или за ночь до завтра	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ностальгии жителей Города-Дома

Александр Муниров

Иллюстратор Наталья Silver Tree Art Сушенцева

Дизайнер обложки Наталья Silver Tree Art Сушенцева

Корректор Людмила Александровна Мунирова

Корректор Ольга Викторовна Валова

© Александр Муниров, 2021

© Наталья Silver Tree Art Сушенцева, иллюстрации, 2021

© Наталья Silver Tree Art Сушенцева, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2962-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ностальгия первая: о том, чего не было, или солнечный зайчик

Длиннющие плети замотанной в тряпки изоляции или просто окрашенных труб тянулись вдоль стен технического этажа, время от времени уходя в проемы в потолке, полу или стенах, сменяясь другими трубами. Изредка они переплетались между собой, соединялись, разветвлялись словно кровеносная система проглотившего тебя великана. Высота, на которой лежали трубы, была ровно такой, чтобы закрывать от Ту Ивис лампы дневного света, скрывая ее в полумраке. Тьма рассеивалась лишь светящимися аварийными указателями у выходов и у красных дверец пожарных шкафов, будто дверные проемы и красные дверцы и без того не было видно.

Человек ростом чуть выше среднего был бы вынужден пригнуться, но не Ту Ивис.

Кто-то однажды ей сказал, что технические коридоры строились не столько для того, чтобы по ним ходили, сколько затем, чтобы удобнее было обслуживать эти трубы. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно было бы додуматься и до того, что ремонтники – это не люди, а существа неведомой расы, явно ниже человека, гномы или даже големы. Это многое объясняло, и в другой раз фея попробовала бы раскрыть эту тайну, все-таки важная информация не бывает лишней, но сейчас было не до того: Ту Ивис бежала по коридору, надеясь, что сегодня не наткнется на человеческую прислугу, и наоборот – та не наткнется на нее. И без того слишком много проблем.

Слишком много.

Все-таки хорошо, что ее рост не превышал средний, потому что чересчур плотно расположенные железяки так и норовят стукнуть ее по голове при малейшей возможности.

Ох уж эта человеческая манера окружать себя сверх всякой меры разными приборами и инструментами для комфорта. Хорошая идея, люди, жить в искусственном, созданном вами мире, наполненном всякими непонятными штуками. Никто и не пытается тягаться с вами познаниями в физике и химии. Плохо, что дальше этого вы видеть не хотите!

В пяти шагах за спиной Ту Ивис открылась дверь, и резкий мужской голос окликнул: – Эй!

Отлично. И как после таких обращений следует поступать?

Ту Ивис успела свернуть в боковой коридор за секунду до того, как предполагаемые преследователи успели бы выстрелить. Возможно они и выстрелили, но звук шагов по бетонному полу заглушил сухой звук выстрела.

Железная лестница, ведущая на пол-уровня ниже, как и все в этом коридоре, функциональная, но потенциально небезопасная, одна из тех, на которых обычно ломают ноги не соблюдающие осторожность. Может быть, она остановит преследователей? Ту Ивис прыгнула вперед, зацепившись рукой за одну из труб, услужливо подставившую свое колено сверху.

Ай!! Когда теплоизоляция нужна, ее вечно нет! Ту Ивис приземлилась, оставив лестницу позади, подула на обожженную ладонь, а здоровой рукой потянулась в карман и вытащила шерстяную нитку длиной около пятнадцати сантиметров. Намотала на палец, сделала им в воздухе жест, словно дирижировала, сняла нитку и бросила через плечо назад, где уже слышались шаги преследователей, а сама побежала дальше.

Стук тяжелых шагов по железной лестнице... Почему люди вечно выбирают такую тяжелую обувь? И в особенности, те, кто ходит этими коридорами? Может быть, им нравится этот страшный гулкий звук?

Через секунду топот сменился руганью и грохотом падающих тел.

Ту Ивис удовлетворенно кивнула сама себе на бегу. Вот так вам, сквернословцы.

Почему они все время ругаются, при этом не забывая твердить о культуре и кичатся своими «шедеврами»? Впрочем, их шедевров за все четыре тысячелетия набралось чуть больше тысячи. Все остальное – лишь черепки от посуды, в которых женщины когда-то давным-давно варили фасоль, или же наконечники копий, которыми мужчины протыкали друг друга. Ту Ивис недавно ходила в краеведческий музей и видела все эти обломки. И они этим восхищаются! Ох уж эта культура! Недоумки.

Коридор закончился дверью с надписью «Выход номер 56» и планом этажа прямо посередине двери, в котором, впрочем, Ту Ивис ничего не понимала. Перед дверью в обе стороны тянулись совсем уж тесные коридоры, просто ад для человека, страдающего клаустрофобией. Трубы там располагались на уровне живота, зато в конце правого коридора виднелся свет!

Ту Ивис открыла дверь и громко ей хлопнула, а сама втиснулась между трубой и стеной и поползла вдоль нее к источнику света, радуясь, что феи не бывают толстыми. Нитка вряд ли надолго удержит преследователей и, будь у нее время, фея придумала бы что-нибудь понадежнее, но времени никогда не хватало.

Ту Ивис достала из кармана зеркала – не ту гадость в пластиковой оправе, что продавалась повсюду, а настоящее, с серебряным напылением, созданное при помощи ртути, в серебряной же оправе, доставшееся ей в наследство от бабушки. Если бы преследователи обнаружили у нее эту штуку, то наверняка решили, что Ту Ивис украла у кого-то древнюю реликвию. И хоть задоказывайся им потом, что этой «древности» от силы две сотни лет – сущие мелочи для любой достойной и красивой вещи.

Ту Ивис еще помнила свалку, когда выезжала из Города-Дома – мрачное место, забитое мусором, с черным небом от летающих над ним несчастных голодных птиц. И странные, громоздкие, желтые машины, что ездили поверх мусора, трамбуя и уплотняя его, чтобы затем сверху положить новый слой. И людей, зачем-то поливавших эту грязь водой.

– Вот она – их суть, – говорил позже Светлый Лорд Гелиас, – мусор и безвкусица.

О боги, как много времени прошло с тех пор? Сколько мусора прибавилось?

Наверное, две сотни лет для людей – это невообразимо долго. Столько времени вещи у них не живут, гораздо раньше отправляясь на свалки.

Ту Ивис поймала в зеркальце лучик света и отправила солнечного зайчика на стену между собой и тем местом, откуда она пришла. Естественный свет подошел бы лучше, но такого тут отродясь не водилось, приходилось пользоваться тем, что было. Главное, не двигаться, и тогда они ничего не поймут.

Так и вышло. Первый из преследователей посмотрел в сторону Ту Ивис и, видимо поймав глазами солнечный зайчик, моргнул, открыл дверь и прошел в нее. Двое других, почти неотличимо похожих на первого – в черной спецодежде, с короткими прическами, последовали за первым. У одного на ухе болталась гарнитура, или как там эту штуку называют люди?

Кажется, пронесло.

Ту Ивис потратила две минуты, чтобы протиснуться через коридорчик и выйти туда, куда она и планировала – под потолок какого-то модного ресторана. Небольшой балкон вел к лесенке, ведущей за стеклянную крышу, с расставленными под ней светильниками, призванными в темное время суток создавать иллюзию дня. Внизу смеялись люди, ходили вышколенные официанты, похожие на тощих пингвинов с картинок. Наверх, конечно же, никто не смотрел. Люди вообще редко смотрят вверх.

Ну что же, до безопасного места, кажется, осталось совсем немного. Люди и понятия не имеют, сколько выходов находится в их муравейнике. Например, вот этот, ведущий на крышу. Самый последний уровень каждого блока Города-Дома – открытый. Наружу вело сразу несколько путей: официальные выходы, вентиляционные шахты, по которым, правда, спускаться было опасно, пожарные лестницы, наверняка с расставленными по ним камерами,

технические лифты, перевозившие грузы..., но пока что фее было рано покидать Город-Дом. Хотя бы просто выйти наружу и подышать свежим воздухом – уже прекрасно.

Телефонный звонок застал Ту Ивис на полпути к крыше.

– Да черт... – пробормотала она, конечно же зная, кто это звонит. Эта мелодия в телефоне принадлежала только одному человеку.

Самораспахивающиеся окна услужливо открылись, когда Ту Ивис в досаде ударила по кнопке, и фея вывалилась на засыпанное снегом пространство. Ветер рвал одежду, принося ощущение свободы и забытые запахи простого воздуха, а не очищенного и искусственно увлажненного, что обитал в стенах Города-Дома.

Телефон продолжал звонить. Навязчивая мелодия из одного сериала о феях. Буйство стихии, пурга и сумерки... эх, настроение все равно было потеряно...

– Да, мама, – буркнула Ту Ивис самым недружелюбным из всех из всех оттенков своего голоса.

– Звоню узнать как твои дела! – мама иногда демонстрировала просто невероятное непонимание ситуации, – сделала уроки? Что у тебя за шум такой? Телевизор?

– Да мам, телевизор. Я сделаю уроки, не переживай.

– Ну хорошо, я тебе верю. Не хочется опять краснеть перед учителями, как тогда с тем сочинением.

Ту Ивис скорчила грустную рожу ветру.

– Сделаю, сделаю. Что-нибудь еще?

– Напоминаю тебе включить мясо на разморозку в микроволновке. И заказать салаты из списка в телефоне, – и тут же добавила, будто оправдываясь, – Я бы и сама заказала, но если бы это сделала вчера, то сегодня салаты стали бы несвежими.

Можно подумать сейчас привезут свежие! Не все ли равно, в каком из холодильников они хранятся, если овощи в Город-Дом прибывают самое меньшее через неделю после того, как их сорвали?

– А ты сама не могла, что ли, заказать сегодня?

– Мы же договорились, что ты занимаешься кухней, а я даю денег на карманные расходы. Давай, не подведи меня. У нас же сегодня ужин с родственниками.

– Хорошо... – про ужин было благополучно забыто еще утром, а сейчас уже шестой час.

– Ну хорошо. Целую тебя! Пока!

– Угу...

Родственники... две тетки, живущие двумя десятками этажей ниже, и мамин хахаль, неизвестно чем покоровивший ее, какой-то командировочный менеджер какой-то там компании. Ах да, однажды он сантехнику у них дома починил!

– Мужчина, который умеет работать своими руками – на вес золота, – говорила мама.

Золота такого даром не надо...

Возвращение в Город-Дом было куда банальнее. Ту Ивис, хотя какая уже Ту Ивис – четырнадцатилетняя девочка Марина, дочь редактора местного издания и какого-то уехавшего на юг мужчины из маминой молодости, пошла через смотровую площадку. Здесь, как обычно, были только приезжие, которым северная жизнь была в диковинку и не ассоциировалась с полярной ночью, пургой и авитаминозом.

– Божественно, – говорила дородная женщина, укутанная в специальный термоплед, выдаваемый при выходе. При желании она могла бы защитить собой от ветра сразу двух человек, – просто буйство природы! Поразительно. Поразительно!

Знала бы она о фейских королевствах расположенных дальше, между тундрой и морем!

Прячась за телесами женщины, чтобы не попасть под пристальный взгляд какого-нибудь озабоченного безопасностью чужих детей взрослого, девочка Марина проскользнула между поручней ограды, с надписью «Не заходить!», и быстро вошла в холл с лифтом. Смотритель и,

по необходимости, спасатель, в ярко-оранжевом безвкусном жилете, неодобрительно посмотрел на нее, но говорить ничего не стал. Они тут виделись уже не в первый и не во второй раз, и обоим было друг на друга наплевать.

С верхнего уровня вместе с Мариной, спускался лишь один человек – какой-то обиженный корпоративный труженик нервного вида, с затравленным взглядом и сжатыми кулаками, в одном из которых был телефон. Вид у него был отчаянный. Такие, как он, приходили сюда прыгать с крыши, устав от бесконечного офисного унижения. И хотя, по правде говоря, до дела доходило крайне редко, зритель был нужен как раз для того, чтобы следить за такими как он, нежели за неизвестно откуда взявшимися девочками.

«Если вы не уверены – не заходите в лифты с незнакомым человеком или компанией», – говорили правила перемещения по Городу-Дому. Вид у этого человека был такой, словно это ему стоило опасаться Марину, а вовсе не наоборот. Во всяком случае, когда этажом ниже лифт остановился и впустил в себя еще трех людей в костюмах и с галстуками, он заметно выдохнул.

И правильно, пусть боится, – подумала Марина, – я еще и не на такое способна, просто об этом пока не все знают.

Лифт быстро заполнялся офисными работниками. Согласно часам над хромированной дверью сейчас было время окончания рабочего дня. Клерки спешили поесть в мелких рестораниках и разбежаться по квартиркам. Другие люди поедут домой попозже. Обслуживающий же персонал менее делового вида обычно пользовался техническими лифтами.

Из внутреннего кармана Марина выудила наушники и прицепила их к телефону. Проверила сверток. Сокровище. Фейский артефакт, украденный из человеческого музея и временно перевоплощенный магией в связку из теннисных мячей, оклеенных разноцветной бумагой и фольгой.

Если бы мама или одноклассники прознали о том, во что она играет, то, наверное, обеспокоились бы необходимостью ее визита к психологу (в случае мамы) или издевались бы до самого окончания школы (в случае одноклассников). А учитывая, что Город-Дом хоть и был большим для здания, но все-таки очень тесным для города, так рисковать было нельзя до тех пор, пока не появится возможность навсегда отсюда сбежать.

Тяжело, знаете ли, четырнадцатилетнему ребенку в городе, особенно если он – фея.

Пока Марина спускалась, на телефон пришли два сообщения. Первое от одноклассницы: «Ты почему сегодня не пришла? Мы опять ее разыграли)))))))). «Ее» – это одну девочку из класса. Скука. Второе от интернет-знакомого с одной из старомодных форумных игр, в которые сейчас играли только фанаты форумных игр и того шарма, что их окружал. В случае Марины – феи. «Заберешь моего персонажа? Надоело играть».

Предатель.

Марина не стала отвечать никому. В обоих случаях требовалось правильно подобрать слова.

Лифт спустил ее на нужный этаж под музыку одной из любимых групп – синтез электроники и фолка – так играли бы настоящие феи, живущие в настоящем времени.

Салаты! Чертовы салаты! Марина набрала номер.

– Служба доставки готовой еды! – ответил женский голос после второго гудка.

Услышав все требования к количеству, объему и названиям салатов, голос с дружелюбием сообщил, что организовать доставку к указанному времени не получится, так как у курьеров уже все расписано, и предложил позволить им опоздать на полтора часа.

– Да блин... – Марина представила мамино лицо и слова: «Мы и так всего раз в две недели устраиваем семейные вечера! Неужели так трудно в это время заранее заказать готовую еду?» Отличные семейные вечера – мама, две ее двоюродные сестры и посторонний мужик. Одна тетка еще может прийти с мужем – водителем снегоуборочной техники на аэродроме.

Другая – старая дева, любительница сплетничать о звездах шоу-бизнеса, словно ей двенадцать лет, а не тридцать с хвостиком.

– А если я сама зайду и заберу?

Секундная пауза.

– Это возможно. Вы знаете куда идти?

Еще бы Марина не знала! За четыре года увлечения феями, она изучила большую часть Города-Дома. К тому же, это было новым приключением, а не банальным ожиданием курьера.

На техническом этаже, где готовилась еда, тянулись лотки с кабелями и размещались бытовки для обслуживающего персонала. Коридор начинался за небольшой неприметной дверью в цвет стены, вроде той, которой недавно пришлось хлопнуть, чтобы сбить с толку преследователей. Коридор и двери здесь были нежно-персикового цвета с черным номером для тех, кто знал, что это означает.

Остановившись перед дверью, Марина... хотя какая Марина, уже Ту Ивис, вытащила старые механические часы, о существовании которых мама... точнее говоря их Владычица, давно успела забыть. А с тех пор, как на них наклеили волшебные камни, часы обрели новое свойство: внимательно покрутив стрелку и почувствовав магический резонанс, фея направилась в указанном направлении, хитро подмигнув камере наблюдения, как раз висевшей над входом.

Шаг за порог, – и вот она вновь в тесном переплетении труб и коридоров без окон, освещаемых тусклым аварийным светом. Можно было пойти другим путем и спуститься на два уровня на общем лифте, но зачем, если есть более короткие дороги? Два поворота по зеленоватым люминесцентным стрелкам, ведущим к главному коридору, – и перед феей обшарпанная дверь старого служебного лифта, который во время движения дребезжит так, словно спускается прямиком в ад, зато способен ездить гораздо быстрее комфортных общественных. За дверями лифта стоял курьер в серебристой куртке с логотипом компании, делающей из полуфабрикатов суши. Бросил косой взгляд на фею и почти сразу же забыл о ее существовании. Ту Ивис держала наготове в руке серебряное зеркальце так, чтобы оно чуть врезалось в ладонь. Долго отводить взгляд не получится, но на два уровня вполне должно было хватить.

На нужном этаже заманчиво пахло едой, а где-то в отдалении слышался странный постукивающий звук, который стоило бы исследовать, но потом, когда фея не будет торопиться. Уровнем выше располагалась зона ресторанов, поэтому здесь было немало обслуживающих их кухонь.

Тут же начались и опасности. За первым же углом оказался человек в черной униформе, наверняка охранник, шагающий, вопреки всем городским правилам, с сигаретой во рту.

– Ты не заблудилась? – внешний вид Ту Ивис мог означать все что угодно, поэтому она просто молча прошагала мимо человека, сделав вид, что его это нисколько не касается. Охранник не стал ее преследовать – не в его праве.

Вдоль коридора располагались двери с вывесками ресторанов и других служб. Самые разные – на технических этажах не было требований к общему оформлению помещений Города-Дома. Между дверями сновали, как муравьи, люди в спецодежде или характерных для поваров фартуках. Запахи еды сплетались между собой в общую бесформенную тягучую, выматывающую смесь. Где-то здесь, где-то здесь... Нужно бы сделать защиту.

Ту Ивис достала все то же зеркальце и долго на ходу смотрелась в него, меняя свою внешность на ту, какую обычно привыкли здесь видеть. Следует проявлять осторожность, а то враги ведь тоже не дремлют. Результат был достигнут точно в тот момент, когда на глаза попала нужная дверь. Туда вошла уже не Ту Ивис, но девочка Марина в брючном костюме, как того требовали правила школы, которую она сегодня успешно пропустила.

Как и следовало ожидать, изнутри кухня выглядела не очень презентабельно: стойка, где готовили еду, компьютер на столе и выключенный телевизор в углу. Единственный работник –

старикан в цветастой майке и кучей бус на шее, с длинными седыми волосами, явно какой-то гастарбайтер, размешивал в чане то, что в итоге должно было стать настоящим салатом.

– Здравствуйте... здравствуйте!! – старик поднял голову и посмотрел на Марину. Один глаз у него был зеленого цвета, другой – голубого. – Я могу вам чем-нибудь помочь, прекрасная дама?

Несмотря на вид, голос у него был сильным и красивым, каким обычно поют известные старые певцы, мамыны престарелые кумиры.

– Ээ... я оставляла заказ на салаты. Сказала, что зайду и заберу их.

– Ах да, – старик засуетился, схватив передник, использовавшийся, видимо, вместо полотенца, – тысяча извинений! Конечно, зачем же еще юная дева может прийти в такое место! Просто мне на секунду показалось... – он ушел куда-то за цветную штору, закрывающую дверной проем, продолжая что-то говорить.

Марина сделала шаг назад, к двери. На всякий случай. Чтобы, если что, успеть выскочить за дверь и, после, бежать к тому курящему охраннику.

– ...вот и говорю, что знаете, время от времени, думается мне, что нас... ну может быть вы читали книжки? Я слышал, нынешняя молодежь не читает книжек, а только в компьютер играет, – старик усмехнулся, обнажив желтые, но удивительно целые и ровные зубы. В руках у него было четыре больших пластиковых лотка с салатами внутри.

Наверное, запущенные протезы, – подумала Марина, принимая лотки и прижимая их к груди.

– Вам, наверное, еще и пакет нужен, – сказал повар, – сейчас.

– Да, пожалуйста.

Он прошел за стойку и долго возился там до тех пор, пока не выудил черный пакет с каким-то белым узором.

– Все фирменные закончились, остался только такой... Ну да ладно. Возьмете его? Вообще, такие знаки раньше ставили на деревьях, для защиты от зла. Я купил, думая, что это что-то значит. А они, оказывается, просто... как это говорится... маркетинговый ход! Держите! – он тряхнул полиэтиленом, потом дунул внутрь, раскрывая створки пакета, – Ставьте! Хуже не будет. Вы же не со злыми намерениями эти салаты берете, правда?

Разноцветные глаза продолжали пристально смотреть на Марину так, словно пытались в ней что-то разглядеть.

– Я пошла?

– Конечно, идите, – улыбнулся желтыми зубами старик, и девочка выскочила за дверь, торопливо зашагав в сторону лифта.

Черт... вот для чего доставки существуют! Господи, сколько фриков-то на свете! Все испортил! – Марина, думая об этом, дошла до лифта, доехала до своего уровня и вышла через служебную дверь, выкрашенную с обратной стороны в цвет морской волны, в коридор, ведущий к квартире, где они с мамой и жили. Без волшебных приключений.

Чертовы мамыны посиделки, ну вот зачем это все нужно? Испортила игру, встретила старика с желтыми зубами, рассуждающего на языческие темы. Может быть, он сектант? А могла бы, если бы не это задание, поиграть в выход из Города-Дома.

В конце коридора располагалось большое панорамное пластиковое окно с узкими створками под форточки, специально сделанными так, чтобы в них никто не смог нечаянно вывалиться. Марина посмотрела в окно на бескрайнее белое пространство. Заснеженная тундра, где-то еще дальше, невидимое отсюда, начиналось море, а за морем – океан, а между всем этим наверняка было что-то еще. Марина не знала точно что. Она родилась и выросла в Городе-Доме, выбираясь отсюда лишь на юг, и то с мамой. Но была уверена, что там, где людей нет, где-то между тундрой и большой водой точно что-то есть. Что-то волшебное.

Она еще раз сжала в руке зеркальце – древний артефакт, переданный ей Высоким Королем через давно умершую бабушку и пошла в квартиру.

Здесь было тихо и чисто. Пакет с салатами отправился на кухонный стол, мясо из морозилки отправилось в микроволновку, а Марина – в ванную, смыть косметику, в которой она походила одновременно и на фею, и на совсем взрослую и красивую женщину, а вовсе не на угловатую девочку без фигуры, на которую в школе никто не смотрел.

Мама не любила, когда она красится, но не знала о том, что у Марины есть целый набор косметики, купленный на откладываемые деньги.

Окна квартиры выходили на другое крыло Города-Дома, и лишь краешек природы, узкая полоска между двумя стенами, был виден отсюда. Глядя в тот снежный краешек, Марина в свое время впервые задумалась о волшебном. Таинственная полоса черно-белой тундры манила и говорила, что где-то там есть другая жизнь за пределами обжитого пространства, наполненная приключениями, а не стерильным воздухом и правилами.

Последний взгляд на природу перед тем, как переодеться. Марина даже кровать переставила, чтобы видеть окно и никогда не закрывала жалюзи. Летом солнце начинало щекотать ей нос задолго до пробуждения, зимой – служило маяком для тех, кто был снаружи. Таким должен быть установленный порядок, а вовсе не как в школе.

Девочка включила компьютер и, пока тот запускался, поправила коллаж из фотографий природы и фей, авторства разных художников (одна фея была ее собственной кисти, пусть и самая неказистая).

«Привет, я сегодня заболела и потому не пошла в школу. Мама завтра напишет письмо классной. Все нормально. Скинь домашку на почту, плз.

ЗЫ. Потом расскажешь, что там произошло.»

Вот и ответ однокласснице.

Зашла под маминым аккаунтом и принялась писать письмо в школу, чтобы ей простили прогул. Официальной причиной, конечно же, было недомогание. У человеческих детей вечные аллергии на разные вещи, и Марина не была тому исключением.

Открыла на секунду форум. В основном треде активно обсуждался выход из игры одного из игроков.

«Предатель», – написала Марина в окне для общих сообщений, но пока не стала отправлять. Феи не бросаются громкими фразами без веских причин, не разобравшись. Уж они-то знают, что слова могут ранить не хуже клинка.

Микроволновка запищала ровно в тот момент, когда она начала читать последние новости с игры: отряд фей выехал добывать шкуру дракона, но по дороге встретил ветер, который сбил их с пути и завел куда-то в другой мир.

Ту Ивис была в том отряде разведчица, способная принимать человеческий облик благодаря своим могущественным артефактам.

– Да черт! – она так и будет пищать, пока не откроешь дверцу.

Ну что за день!

– Да помню я, помню, что у меня осталось всего два часа... зачем вам этот ужин, вы все равно там постоянно рассуждаете о том, как будете худеть! Вам вообще ничего из этого нельзя есть!

Марина вышла на кухню с мыслями, что ближайший час она будет расставлять посуду и раскладывать салаты, укладывать мясо в духовку и тому подобное бесконечное скучное прочее для родственников и иже с ними, которые лично ей были совершенно неинтересны. Горько вздохнув, включила, в утешение, фейскую музыку в телефоне – электронный бит смешался с арфой, заполняя квартиру сказочным фоном.

– Ох уж эти люди... – сказала сама себе Марина, выживая из пакета и открывая первую упаковку с салатом и тут же зажимая нос от нестерпимого гнилостного запаха. Весь салат был

покрыт зеленой плесенью, словно пролежал три-четыре недели, дожидаясь своего часа, чтобы окончательно испортить Марине день.

– Вот теперь меня мама точно убьет, – простонала она.

Где-то за стеной Города-Дома начало садиться солнце, окрашивая тундру, море и океан за ним в алые оттенки. До начала семейного ужина осталось меньше двух часов.

Ностальгия вторая: о том, что не случилось, или вдох-выдох

– Помнишь, как мы гуляли по тому бульвару? – говорила она, положив голову ему на колени, на вельветовые, давно вышедшие из моды брюки, – я говорила, что буду растить тебе детей, что переедем к морю, построим себе дом или выкупим чей-нибудь старый и ненужный, сделаем в нем ремонт. Я еще хотела, чтобы в нем было больше белого цвета. А ты смеялся в усы и держал меня за руку. А потом купил мороженое, такое, которое продавали только на том бульваре, шариками на выбор, а один шарик вывалился и упал тебе на штанину. Шарик был шоколадным, а брюки – белыми. Такое уродство получилось!

– Помню-помню, – обманывал он, положив одну руку ей на плечо, чтобы было теплее, другой поглаживая волосы.

– Ты совсем не изменился. Все также похож на Боярского. Он что, по прежнему – твой кумир? И волосы, – ты их, наверное, красишь? – она поерзала и устроилась удобнее, так, чтобы перед глазами оказался вид из панорамного, в пол, окна, пусть и с удручающим видом на трубы промзоны и далекую тундру на горизонте. Белый свет сверху отражался от белого снега внизу, смешивался с искусственным электрическим, будто боролся за право присутствовать в комнате. Сейчас он временно наступал, но она знала: пройдет совсем немного времени, и ситуация изменится на противоположную. А скоро и такой роскоши не будет – все-таки первая половина декабря – время ожидания неизбежного наступления полярной ночи.

– Не крашу, – он улыбнулся, – мне это не нужно, Светлана.

Она невольно улыбнулась в ответ. От нагретого окна тянуло теплом и казалось, будто за окном не минус, а плюс двадцать, а снег, что внизу, какой-то специальный, теплостойкий, придуманный учеными, чтобы не разуверять живущих здесь людей в том, что они на севере.

– Я не знала, что ты работаешь в скорой, – сказала она.

Он не работал в скорой, но Светлана позвонила в скорую помощь, сказав, что у нее проблемы с сердцем, открыла дверь, села на диван и стала ждать, глядя в окно. А через некоторое время появился он, в белом халате. Что, в общем-то, еще нужно, чтобы принять за медика?

– Хорошо, что пришел именно ты, – Светлана прикрыла глаза, – в последнее время я много о тебе думала, а тут, под самый конец, такой подарок! Это же конец? Скажи мне, как врач, только честно: я ведь умираю? Иначе бы ты вызвал реанимацию, меня бы волокли на носилках в больницу, подключали к аппаратам жизнеобеспечения и держали там пару недель, пытаясь откачать. Давай, кстати, если это конец, обойдемся без больницы? Мне здесь комфортнее.

Он мог ей рассказать о том, кем на самом деле он является, но это ничего бы не решило. Светлана действительно умирала, это были ее последние минуты. Он решил, что не стоит тратить остаток времени на новую информацию. Поэтому ответил только:

– Я специально появился для того, чтобы увидеть тебя.

– Но я же совсем не такая красивая, как тогда, – скокетничала она, – посмотри: толстая, морщинистая, седая, волосы подстригла, они теперь, когда длинные, ломаются.

– Красивая, – ответил он, продолжая гладить ее по подстриженным седым волосам.

Солнце слепило, своей краешкой поднимаясь над тундрой. Сейчас казалось, будто оно ниже окна на этом двадцать четвертом уровне. Но и это было неправдой, просто так казалось.

– Тьфу ты, – фыркнул Инженер, когда проезжавший мимо БелАЗ поднял в воздух снежную пыль, окатив ей двух рабочих в синих зимних спецовках и его – в модной красной куртке. Снег был повсюду: в обновление парка снегоуборочных машин старого города никто и не думал

вкладываться, а оставшиеся работали из последних сил. К декабрю снега навалило столько, что обычная техника на боковых улицах с трудом преодолевала завалы, а грейдеры проезжали только по основным дорогам, собирая то, что еще не впечаталось в асфальт грузовыми машинами, в длинные валы. Эти валы начнут таять в конце апреля, и тогда здесь все будет в воде, добавив новых проблем коммунальщикам, но об этом сейчас предпочитали не задумываться.

– Ну что? – спросил один из рабочих, тот, кто был в старых гигантских рукавицах на искусственном меху. Интересно, такие еще производят? Инженер купил бы себе, – Сколько нам еще ждать?

Инженер промолчал. Холод выстуживал так, что не хотелось лишней раз открывать рот. Ему было двадцать три года, и такие проблемы, как ожидание автомобиля, который увезет их назад, в Город-Дом, были ему в диковинку. Инженер приехал сюда из-за рекламы о высокотехнологичном месте, будущем, которого ждет человечество, в настоящий день реализованное лишь на аравийском полуострове силами нефтяных королевств, и здесь, в России, на крайнем севере, в одном единственном месте, как эксперимент. В рекламе не говорилось, что ему придется выходить в адский мороз, добираться до старого города, где живет восемьдесят тысяч жителей, не вместившихся в Город-Дом и командовать вечно недовольными всем на свете, включая и его тоже, рабочими. Никто не говорил, что ему придется дышать грязным производственным воздухом. Реклама рассказывала, что Город-Дом был построен в том числе и для защиты жителей от испорченной людьми экологии, что местный воздух, спасибо горнорудному производству, содержит множество канцерогенов. Однако, местные жители только расхохотались, когда услышали, что Инженеру требуется респиратор, чтобы выйти наружу.

Респиратор? Какой респиратор? Все выходят так, и ты выйдешь. Придумал тоже.

Отличная жизнь для выпускника столичного вуза. Единственное, что было хорошего в этом месте – зарплата. И еще то, что он жил все-таки в Городе-Доме, а не в старом городе.

– Может, позвонишь? – спросил другой рабочий в старомодной шапке-ушанке, завязанной под подбородком.

Как тут позвонить? На этом морозе сенсорные телефоны не работают. Инженер потянулся к куртке и вытащил из внешнего кармана рацию, надеясь, что та еще не замерзла.

– Ну, что там с машиной? – довольно грубо, как ему показалось, по-мужски, спросил он. С рабочими надо было общаться на их уровне, иначе они перестанут видеть в тебе начальника.

В ответ раздалось лишь шипение. Даже рации тут работают через раз.

– Пойду в здание, – сказал Инженер рабочим, – отопрею телефон и позвоню. Пойдете со мной?

– Если машина приедет, то никого тут не увидит, – ответил рабочий в огромных варежках, – иди, мы тебя потом вызвоним по нормальному телефону.

Под «нормальным» телефоном понимался, видимо, допотопный, кнопочный.

– Хорошо, – и быстро, прежде чем они успели передумать, Инженер отправился во двор, под арку, которая выглядела такой старой, словно существовала лишь в ожидании достойной жертвы, на которую можно упасть.

Зачем он вообще нужен, если эти мужики командуют?

В старом городе имелись проблемы с подачей холодной воды: старые трубы перемерзли и рвались изнутри от скопившегося льда, а Инженер и «его» люди отключали эти участки, демонтировали поврежденные трубы, заменяли их новыми, замотанными в блестящую изоляцию, с греющим кабелем внутри, подключали обогрев, испытывали и уезжали. Точнее говоря, мужики монтировали и испытывали, а Инженер якобы ими руководил, так как по правилам, рабочим в старый город без руководителя выезжать запрещалось. Вот и вся необходимость в нем.

– Наберешься опыта и перейдешь на бумажную работу в Город-Дом, – сказал, как сейчас подозревал Инженер, с ехидцей уже его начальник, когда подписывал трудовой договор с достойной, на первый взгляд, должностью в договоре – «Мастер-инженер».

Теперь трижды или четырежды в неделю, в девять утра, Инженер выезжал через специальные ворота на служебном транспорте в старый город, обычно возвращаясь к четырем назад, чтобы заполнить бумаги. Чаще всего к четырем, если не возникало непредвиденных ситуаций. А в старом городе он стоял на морозе, глядя, как более опытные люди закручивают гайки на накидных муфтах или пользуются труборезом, кивал головой и под диктовку карандашом в блокнот записывал решения, чтобы потом нормально, для отчетности, их оформить и подписать акт на выполненные работы.

Северная романтика! – как сказали в институте, когда Инженер изучал документы о распределении.

Если северная романтика заключается в том, чтобы бродить по серому закопченному городу, который разваливается на глазах, и где живут лишь те, кто не может позволить себе жизнь комфортнее, то Инженер романтиком никоим образом не являлся.

Во дворе стояла тишина. Место, где в нормальном городе должна бы располагаться детская площадка, здесь было отдано снежной куче. Инженер скользнул взглядом по окнам – сразу и не скажешь, что дома, образующие эту дворовую коробочку, жилые, пусть и наполовину. Грязные окна, шторы, и ни одного человека во дворе. Впрочем, последнее как раз понятно: что тут делать в такой мороз?

Дома-призраки умирающего старого города, представлявшие интерес только для любителей поздней истории, и то лишь наиболее упорных из них тех, кто сможет сюда добраться: ни автодорог, связывающих с большой землей, ни железнодорожных путей, только ненадежное, из-за погоды, авиасообщение.

Инженер толкнул дверь и вошел в темный, пахнувший сыростью подъезд. Влагой и теплом тянуло из открытого теплового пункта, блестел конденсат на ржавых трубах в свете тусклой допотопной желтой лампочки, не имеющей ничего общего с программой энергосбережения, декларируемой государством.

Как рассказывал один из рабочих, когда эти дома строили, то не учли условий вечной мерзлоты: тогда просто не умели строить в таких условиях, поэтому, через несколько лет здесь все начало приходить в негодность – сваи проваливались в оттаивающий грунт и приходилось их брать в специальные обоймы, трубы изолировать по новой, полы гнили, и, чтобы их сберечь, доски покрывались специальным составом, деформированные окна подгонять, чтобы их было возможно открыть...

– Еще раз, где машина? – буркнул Инженер в рацию.

– Поднимайтесь на третий этаж, – прошипела рация в ответ, – я здесь.

В доме кто-то еще работает?

Инженер подошел к перилам, скрипя деревянными половицами на каждом шагу, и посмотрел вверх – темно. Шагнул на ступени. Витые чугунные перила лестницы будто жалели о тех, первых временах, когда все еще не было таким серым и облезлым. Грязные окна в широченном подъезде, запроектированном и построенном безо всякого учета экономии жилого пространства, высвечивали лишь контуры ступеней, перил и дверей. Все прочее тонуло в темноте.

А ведь здесь продолжают жить люди! Сам Инженер поселился на двадцать четвертом уровне Города-Дома в корпоративной квартире, спланированной так, чтобы учесть одновременно и экономию и комфорт. Не самое шикарное жилье, но по сравнению с этой разрухой – идеальное.

Ближайшая к лестнице дверь на третьем этаже оказалась открытой. За ней, дальше по площадке, располагались еще три двери и темный проход, Инженер миновал открытую

дверь и заглянул в него: ряд ржавых трупов моек вдоль одной стены и ряд ржавых трупов плит вдоль другой, а проход уводил дальше в темноту.

– Сюда, – раздался голос позади. Слесарь – усатый мужик в спецовке, вероятно приехавший на участок Инженера в то время, пока рация не работала, опирался плечом о косяк открытой двери, – тут у нас проблема.

– Это что, коммуналка? – Инженер посмотрел на его допотопные из середины двадцатого века валенки, которые в старом городе все еще пользовались спросом. А еще, они были «бесшумные», раз Инженер не услышал шагов. В такой обуви можно подкрадываться и убивать.

– Не совсем, – рабочий повернулся и вошел в квартиру назад. Голос звучал глухо, – тут архитекторы думали создать такое общее пространство, так сказать, для желающих. Сами-то квартиры очень хорошие, дорогие, и при каждой имелась своя кухня. Точнее говоря, розетки под плиту и вывод труб под воду. Но ее можно было переделать в обычную комнату, а приготовление еды вынести в общую зону. По желанию хозяев. А что?

– Да просто интересно, – Инженер пожал плечами спине Слесаря, заходя следом в темный, широченный квартирный коридор, – никогда не видел подобных решений. Немного странно.

– Что странного? Люди готовились жить при коммунизме, где все должно было быть общим, и такое решение – один из шагов к нему. Домов с подобными планировками в городе с десятков, – рабочий вытер ноги о какую-то тряпку, лежавшую в метре от двери, – разуваться не нужно, тут не очень чисто, и пол холодный.

Инженер и не собирался.

– Что-то вроде социального эксперимента при попытке построить коммунизм?

– Попытка построить коммунизм и была социальным экспериментом, – буркнул Слесарь, – результат вон там, ржавеет.

Квартира оказалась нежилой: облезлый пол и кое-где висящие лохмотья обоев, не прошедшие испытание временем. Хотя в целом, для необитаемого жилища, все выглядело вполне пристойно: просторная комната, в которую они вошли, деревянные рамы окон с широченными подоконниками, старый продавленный диван без ножек у одной стены и огромный тяжелый письменный стол у другой. Шкаф у выключателя верхнего света, старомодного, больше похожего на рубильник. Инженер щелкнул им, но ожидаемый свет не появился.

– Нежилые квартиры отключают от электричества, – пояснил Слесарь, – чтобы пожара не случилось. Вон проблема, – он ткнул пальцем в древний радиатор, покрытый несколькими слоями масляной краски; стена рядом была мокрой, от потеков поднимался едва заметный пар, окна запотели, на глазах покрываясь изморозью.

– Как это починить? – спросил Инженер и тут же пожалел о своем вопросе. Зачем демонстрировать свое незнание перед работягой?

– Нужно подняться на чердак, перекрыть стояк, потом здесь наложить муфту, открыть стояк снова и проверить – побежит или нет. Оставлять так нельзя, перекрывать отопление надолго в такую погоду тоже, так что ремонт срочный.

– Ну и... в чем проблема? – проблема естественно была, но у Инженера, и заключалась она в том, что домой он попадет нескоро.

– Выписывай разрешение на работу и отпускаяй мужиков. Чего они там мерзнут?

Тут же, будто дождавшись этого момента, проснулась рация:

– Шеф, – в слове «шеф» слышались издевательские нотки, – не смогли дозвониться по телефону. Машина приехала. Связь есть?

Инженер выругался так, как обычно и ругаются слесари – устало, как бы говоря, что ничего не поделаешь. Смотрящий на него Слесарь скептически хмыкнул.

– Езжайте, я потом сам доберусь, – сказал Инженер в рацию.

– Хорошо, отбой, – прошелестело в ответ радио.

– Ну что, я полез наверх? – Слесарь все знал лучше Инженера, но зачем-то спрашивал разрешения.

– Конечно лезь, – с досадой сказал Инженер, плюхнулся на диван и снова выругался: тот вонзил ему в пятую точку одну из своих пружин, спрятанную под протертой тканью, – считай, что разрешение выписалось.

Он позже его оформит, когда вернется в Город-Дом.

– Тут могут быть клопы, – предупредил Слесарь и, почти неслышно ступая валенками, потопал в коридор.

Но Инженер встал только тогда, когда Слесарь хлопнул входной дверью, просто для того, чтобы тому не показалось, будто он все делает по указке.

Вода из радиатора продолжала течь тонкой-претонкой струйкой, невидимой с двух шагов, и лишь мокрое пятно на стене да пар говорили об аварии.

– Твою мать, – пробормотал Инженер, – твою мать.

Он достал телефон и позвонил Ирине – милой аристократично-бледной от недостатка солнца, как все люди этом месте, девушке, которую планировал сегодня вытащить из сметного отдела в клуб. Как и во всех старых домах в старом городе связь была отвратительной. Инженер походил по комнате, выбирая место поудачней и, найдя наконец такое возле шкафа, где связь ловилась аж на две полоски, увидел, что в нем за стеклом стоит какой-то скелет – позвоночник с ребрами, вроде из металла, покрытый ржавчиной.

– Охренеть, – пробормотал Инженер.

– Что?

– Ир, привет! Слушай, я сегодня на работе задержусь, но ты меня не теряй. Тут просто не получается вернуться вовремя.

– Тебя плохо слышно!

– Я в старом городе!

– Где?

– В старом городе!

Связь прервалась.

– Сраная работа, – сказал Инженер железным костям. Те вежливо промолчали.

– Я поселилась здесь через четыре года после того, как мы увиделись с тобой в последний раз, – говорила она, – Тогда еще не было никакого Города-Дома. Был самый обычный заштатный северный городок, вокруг которого в земле обнаружили столько полезных ископаемых, что ради их добычи сюда пригнали лучших геологов, архитекторов и строителей и потребовали превратить эту глушь в жемчужину. Они старались. Ты же видел старый город?

Он знал, что старый город сейчас был не таким, каким его рисовала в своем воображении Светлана: дома с лепниной, фонари, просторные улицы, максимально возможное благоустройство для Крайнего Севера. К тому же то, о чем она сейчас вспоминала – относилось к среднему периоду, тому самому, строительство которого она и застала сразу после переезда. Чуть позже город был весьма экономно расширен, настала пора унификации и однотипных панельных домов, тускло взирающих на асфальтированные дворы без детских площадок, домов, стоявших серыми камнями посреди пурги, занесенной снегами тундры и многочисленных труб – теплотрасс, водопроводов, канализации – все инженерное хозяйство лежало над землей в огромных кожухах и проходило гигантскими стальными змеями по городу, от одного завода к другому, попутно цепляясь к жилым домам.

– Мы ощущали себя тут, как на краю света. Только представь, – островок цивилизации, а вокруг бескрайняя пустошь, редкие деревья, болота... ничего нет, даже птиц. Все совсем не так, как на юге. И мы – последний осколок человечества...

Ему нечего было ответить, но он слушал, пока Светлана перескакивала с одного воспоминания на другое:

– А солнце! Помнишь, солнце садилось, и море из темного превращалось в ярко-зеленое! Ты еще говорил, что мы вечно будем вместе. А потом ушел. Почему ты ушел?

Он смотрел за окно, на солнце, которое, вот, только-только приподнявшись над небом, уже грозило спрятаться за налетающими тяжелыми тучами. Здесь дули сильные пронзительные зимние ветра, принося с собой столько снега, что недолгое зимнее солнце даже в середине дня не всегда пробивалось сквозь него. Скоро начнется очередная пурга.

Что он мог ответить? Что тот, кто сейчас гладит ее по голове и тот, кого она помнила тогда – на самом деле не один и тот же? Он помнил все, о чем говорила Светлана, но это были не его воспоминания. Он не знал причин, по которым тот человек, что тогда гулял со Светланой, признавался ей в любви и обещал быть до последнего вздоха рядом, не выполнил своего обещания.

– Я тебя так любила, – говорила Светлана, – думала, ты будешь со мной до конца жизни. Короткие три недели знакомства и все, я была готова идти за тобой на край света. Поэтому, наверное, в итоге и приехала сюда, чтобы оказаться как можно дальше от этого разочарования.

Его пальцы погладили Светлану по щеке, она невольно вздрогнула.

– Тогда почему ты переехала сюда из старого города? – спросил он, – где есть я?

– Ты знаешь, я ведь тоже создавала Город-Дом, и было бы странно не поселиться, в итоге, в нем. Правда, с тех пор многое изменилось. Пару недель назад шла в поликлинику, что в четвертом секторе на восьмом этаже и думала, что здесь все как... ну как все сейчас – много рекламы на стенах, все люди, сплошь, такие... менеджеры. Те, кого мы раньше называли чинущами и бюрократами сейчас в почете, и молодежь на них равняется. И Город-Дом как будто сделан именно для них, а не для всех, как мы мечтали, когда его строили. Такое, вот, будущее.

– Кажется, буря начинается, – сказал Инженер, глядя в потемневшее окно. Во дворе по-прежнему никого. Где-то за пределами этого каменного мешка была жизнь, люди ездили на машинах, ходили в магазины. Пусть жизни в старом городе и оставалось немного, но она была. Здесь же, как в склепе, стояла тишина, нарушаемая лишь Слесарем, возившимся с трубой радиатора, да ветром.

– Боюсь затягивать чересчур плотно, – вместо ответа сказал Слесарь, в третий раз сходяв на чердак, – вдруг сорвет.

Он заново доставал из сумки ремонтный комплект – ключи, половинки муфты, соединительные болты, прокладки и сухую тряпку, которой проверялось наличие протечек. Вроде бы на дворе век цифровых технологий, а все выглядело так, будто для слесарей время остановилось еще сто лет назад.

Сухая тряпка для проверки протечек!

– Угу... – неопределенно ответил Инженер.

– Ну да, будет пурга. Об этом еще утром сообщали. А что такое?

– Да просто автобус...

Слесарь понимающе кивнул, разглядывая ключи и выбирая нужный.

– Боишься не успеть добраться до Города-Дома? Есть же такси, они за деньги отвезут тебя в любую пургу. У меня есть номер телефона, если что. Доберешься, не переживай.

– Это же небезопасно, – сказал Инженер, – нам во время инструктажа говорили, что ехать по трассе во время пурги нельзя. Сильно ограничена видимость.

В окно ударил неожиданно прорвавшийся во двор особо сильный порыв ветра, в щелях пронзительно завывало.

– А у меня в инструкции по охране труда написано, что запрещается работать на неостывшей трубе. И что? Ждать несколько часов пока она остынет? – Слесарь посмотрел на Инженера, – да брось, ты откуда к нам приехал такой правильный?

– Из столицы.

– Бедняга. Ты что, серьезно думаешь, что инструкции по охране труда нужны для того, чтобы обезопасить? На самом деле, ты просто подписываешься в том, что тебе не станут платить страховку в целом ряде случаев, причем в самых опасных, наиболее вероятных. Вот, например, взять такую простую вещь, как каска. Знаешь, из чего делается каска?

– Пластик?

– Да, самый обычный пластик. Не армированный, иначе ее носить было бы тяжело. Так вот, если тебе на голову свалится плита на стройке, а ты будешь в каске, даже армированной, то это будет признано производственной травмой, и твоей семье, возможно, выплатят компенсацию, если конечно не признают, что ты специально ходил под плитой, которая может упасть. Но если окажешься без каски, то это однозначно будет признано смертью по не соблюдению правил безопасности, и твоя семья не получит ни копейки. Ты-то все равно не спасешься, сам понимаешь, но нюанс важный. Так и тут: можно действовать по инструкции, но потратить на это полдня. А можно действовать исходя из опыта и потратить гораздо меньше времени. Тебе как больше нравится?

Инженер не увидел связи между примером и текущей ситуацией, но не стал уточнять. Вместо этого спросил:

– А тебе еще долго работать?

– Работать пятнадцать минут, но после нужно выждать некоторое время, чтобы убедиться в том, что нет протечек, – сказал Слесарь.

– А ты можешь это сделать сам?

– В обход инструкции?

– Ну... типа того.

– Знаешь, четыре месяца назад меня лишили премии за то, что я установил кран взамен прогнившего на холодном водопроводе в одной из настоящих коммуналок – другом здании, помоложе. Некогда было ждать инженеров из Города-Дома, все заливало, люди сидели без воды, ну я и пошел им навстречу. А когда начальство приехало, то стало возмущаться: якобы я мог сделать что-то не то без их мудрого надзора; после мы поругались, я, естественно, оказался неправ и был наказан. Так что нет, сиди уж. Уедешь домой попозже, ничего не случится. Кстати, про клопов в диване я пошутил, они не живут там, где не живут люди: им же питаться нечем.

Инженер покосился на диван, но садиться пока не стал. Надо было выждать паузу, чтобы можно было сделать вывод, будто сел сам по себе, а не по указке Слесаря.

– Там скелет в шкафу. В буквальном смысле.

– Да, я знаю. Тут раньше жила одна женщина, занималась полями и искусственным интеллектом. И скелет – один из ее опытных образцов. Ну, то есть, то, что осталось от опытного образца.

– А ты откуда знаешь? – Инженер понимал, что обращаться к более старшему и опытному Слесарю нужно на «вы», но не собирался этого делать, чтобы окончательно не развеять иллюзию собственного руководства, Слесарь-то ему «тыкал».

– А я ходил на ее лекции, когда сам вел научную деятельность. Это сейчас я слесарь, а раньше был доцентом технических наук в области электромагнитных волн.

– Чего?

– Электромагнитных волн. У тебя же, наверное, высшее образование, должен бы знать об электромагнетизме.

– Да нет, я знаю. Просто другое непонятно, – сказал Инженер, все-таки сев на диван. В окно с новым порывом ветра посыпалась мелкая снежная крошка. Единственным источником света был фонарь, стоявший на полу, входивший в штатное снаряжение рабочих. Снег за окном в этом свете казался темным живым существом, пытавшимся влезть в комнату, – если вы ученый, – он передумал и все-таки перешел на «вы» – ученый же, – то почему здесь работаете?

Слесарь крикнул и подтянул муфту.

– Ну вот, кажется, не капает. Не понимаешь? Твое поколение просто воспитывалось на других ценностях. Вот ты наверняка закончил какой-нибудь крутой университет на деньги родителей-бизнесменов. Наверняка твоя дипломная работа не стоит выше тройки, а если и стоит, то лишь потому, что папа знаком с деканом. Когда ты тут появился впервые, то наверняка был такой важный, будто знаешь все на свете. Вас там наверняка учили, что важно не образование и реальные знания, которые ты можешь применить, а статус, который дается образованием. А то, что ты ни хрена по факту не знаешь – не так важно, пускай об этом думают подчиненные. Но зато, если тебя завтра уволят, потому что кто-то более важный захочет поставить своего сыночка на твое место, то ничего не изменится, кроме твоих собственных проблем, потому что таких как ты – полно. А мне еще надо будет замену найти: работников, готовых трудиться в старом городе, очень мало. К тому же, я всегда смогу работать таким же, вот, как ты инженером, который только и умеет, что сидеть на диване. А ты муфту на трубу без дополнительных навыков не сможешь наложить.

– Вообще-то это не так, – с обидой сказал Инженер, – я закончил университет с дипломной работой на пять, причем сам, без помощи родителей.

– Ну, тогда ты молодец, – ответил Слесарь, – а я стал слесарем тогда, когда надо было кормить семью, а ученым задерживали заработную плату за четыре месяца. Слесарем же можно было помимо официальной работы еще и подрабатывать. Люди, когда уставали ждать официальной помощи и не имели денег, расплачивались со мной молоком и колбасой, полученной по талонам. А у меня тогда была жена и двое детей, и их надо было кормить. Один из них, кстати, выучился на инженера и живет в Городе-Доме, а о родителях и думать забыл. Занимается внутренними разводками. Дочь заканчивает учиться на медсестру на юге.

– Мне теперь надо извиниться за то, что у вас не сложилась жизнь? – спросил Инженер.

Слесарь-ученый что-то буркнул про себя, вслух же сказал:

– Не надо. Ты извини, если я тебя обидел. Пойду, открою кран на чердаке и постучу по трубе. Как услышишь, посмотри, потечет вода или нет. Если муфта будет мокрой, стукни три раза. Если нет – четыре. Хорошо? Справишься?

Не дожидаясь ответа, Слесарь вышел в коридор и хлопнул наружной дверью.

– Вот придурок, – пробормотал Инженер.

Складывалось ощущение, будто Слесарь специально устроил эту протечку для того, чтобы немного почтить мораль, в счет каких-то своих старых обид.

Инженер достал телефон и посмотрел на экран. Связи не было – плохая погода делала и без того неустойчивую работу мобильных телефонов невозможной.

Огляделся.

Сложно было представить, что в этой квартире жила женщина. Во всяком случае, в такой темноте, с ободранными стенами и грязным потолком, без люстры и картинок на стенах. Все знакомые девушки Инженера завешивали стены коллажами, столы были завалены кучей вещей. Может быть, и здесь когда-то было нечто подобное, но прямо сейчас в это не верилось.

Сделав круг по комнате в поисках связи, Инженер остановился возле шкафа, где за стеклом прятались железные ребра.

Какая нормальная женщина будет держать в шкафу скелет? Кто знает, что тут еще?

Инженер открыл шкаф и внимательно осмотрел подобие человеческого каркаса. Ржавое железо: казалось, тронь, и развалится. Рядом с костями валялся пучок проводов, отрезанных от чего-то и уходящих в щель в нижнем ящике. Поколебавшись секунду, Инженер полез и туда, где обнаружил набор старых гигантских плат и какой-то черный прибор с вынутыми внутренностями.

Раньше скелет, очевидно, был более цельным и подключался к этой конструкции. Инженер щелкнул переключателем на приборе, но предсказуемо ничего не изменилось.

– Электромагнитных полей... – пробормотал он, и в этот момент раздались три железных удара у окна, настолько неожиданно и неестественно громко прозвучавших в пустой комнате, что Инженер подскочил.

Труба!

Он вернулся к радиатору и посмотрел на муфту. С нее ничего не капало. Взяв тряпку и протерев ей место ремонта, Инженер не обнаружил влаги и отстучал об этом в ответ.

За окном стемнело окончательно: четыре часа дня. В Городе-Доме не обращаешь внимания на умопомрачительно короткий день и непогоду: температура всегда одинаковая, а день от ночи отличается лишь уровнем освещения в строгих временных границах. Если не смотреть в окна, то можно легко забыть и о существовании осадков, и о низких температурах.

Быстрее бы вернуться туда.

Он приехал в Город-Дом для того, чтобы выйти из-под опеки отца, – вот что надо было сказать Слесарю, – в отличие от своего брата – настоящего золотого мальчика. Инженер хотел всего добиться самостоятельно. А то, что ему не нужно работать руками, сам Инженер не считал это недостатком.

– Придурок... – повторил, обернулся и замер. На него кто-то смотрел. То есть, конечно же не смотрел, но стоя у радиатора, Инженер видел очертания массивного шкафа, каких сейчас больше не делают, с открытыми дверцами, и казалось, что оттуда на него смотрят: взгляд будто изучающе скользил по молодому человеку.

– Фигня какая-то, – как молитву, отгоняющую нечисть, произнес Инженер, но от этих слов ощущение взгляда не исчезло.

Взгляд не был добрым или злым, он был оценивающим, таким как на него смотрели во время собеседования по видеосвязи, когда он только собирался переезжать сюда. Собеседовали двое: специалист по кадрам – милая с виду девушка с необыкновенно стервозным, как оказалось по приезду, характером и главный инженер – седой мужик, задававший вопросы не по профессиональной деятельности, а личные: одинок ли он, почему хочет переезжать, чем занимается в свободное время, – будто предполагал, что на вторую неделю Инженер сбежит отсюда со словами «Мне тут скучно!»

– Эй, тут кто-нибудь есть? – негромко спросил он.

В шкафу раздался высокий шипящий звук.

– Твою мать... – прошептал Инженер.

Хлопнула дверь, и слышались мягкие валеночные звуки шагов, а в коридоре заплясал свет фонаря.

– Точно не бежит? – спросил Слесарь, заходя в комнату и окатывая светом радиатор и Инженера с ним, – эй, с тобой все в порядке?

– Там, в шкафу...

Слесарь направил луч фонаря в шкаф. Все было по-прежнему, только кости ржавого скелета как будто стали шире, словно ребра раздвинулись, пропуская в невидимые легкие воздух.

– Что в шкафу?

– Не видите? Скелет стал больше.

– Тебя что, напугал прибор? Это не скелет, – Слесарь снова вернулся лучом к радиатору и пошел к нему, – это модель функционала интеллекта. Она – женщина, что здесь жила, пред-

ложила теорию... – посветив, Слесарь вернулся и сел на пол перед радиатором. Вгляделся, – о, вроде все здорово. Подождем еще немного. В общем, она предложила теорию о том, что мы воспринимаем мир и можем общаться между собой потому, что у нас сходная физиология, понимаешь?

– Не понимаю.

– Ну, если вкратце, она утверждала, что все наши ощущения базируются на том, что мы собой представляем. Грубо говоря, если процесс дыхания у нас был бы другим, то мы и понимали бы мир иначе, так как мозг воспринимает окружающее через нервные импульсы, в том числе и от легких. Мышление обусловлено, среди прочего, строением тела. Материализм. В наше время это было модно.

– Это не объясняет того, почему скелет стал больше.

– Да не стал он больше! Тебе показалось. Эта фигня была нужна для имитации движения костей во время дыхания. Подводились датчики, пропускался ток через кости, данные записывались и загружались в машину для того, чтобы дать ей понять, как надо ощущать мир посредством, в данном эксперименте, дыхания, чтобы после мы могли с ней общаться. Понял? Когда-то они действительно расширились. Когда-то. Но тут же все обесточено, ты чего?

Инженер с сомнением смотрел в шкаф.

– Знаешь, – говорила Светлана, – а ведь я пыталась тебя воссоздать. Всю свою работу по изучению искусственной личности сводила к тебе. То есть к такому тебе, каким запомнила. Или хотела видеть.

Он продолжал ее гладить и смотрел за окно, туда, где неудержимо темнел короткий зимний солнечный день. Уже не было видно терриконов, труб завода, не было видно старого города и, тем более, далекой тундры. Начиналась пурга. Белый шум, отсутствие сигнала, который наступает по окончании программы вещания, заполнял окружающий мир.

– Зато, знаешь, если бы ты в свое время не пропал, у меня не возникло бы этой мысли насчет искусственного интеллекта. Правда, это сказалось на личной жизни: не знаю почему, но я не особо интересовалась мужчинами и детьми. Почему так потемнело?

– Погода испортилась, – ответил он.

– Правда, я не из скорой.

– Если бы я была верующей, то решила, что ты умер и после смерти стал моим ангелом-хранителем. Но нас всю жизнь учили, что бога нет, и разговоры о нем – лишь выдумки. Это в последние десятилетия все вдруг начали неистово верить, а я так и не смогла. Для меня бог – это что-то слишком абстрактное, чтобы быть уверенной в его существовании. Как ты думаешь, я теперь что, в ад попаду, если он вдруг есть?

– Ты же ученый, – усмехнулся он, – ученые в рай не попадают, даже самые верующие.

– Это Ломоносов – ученый. Мария Кюри, Эйнштейн. Ньютон. Те, кто заложили основу для других наук. Остальные – их последователи. Когда я умру, то никто не вспомнит о том, что я когда-либо была, ведь правда? Детей нет, с родственниками я не общалась последние лет десять с тех пор, как на пенсию вышла. Соседи меня терпеть не могут, говорят, что я сошла с ума, – Светлана вздохнула, – а я от всего этого устала. Может быть, они и правы. Может быть, и хорошо, что мы больше не встретились – ты бы разочаровался, если бы увидел меня такой. Ведь ты был таким ярким, все девушки тебе улыбались. Хотела бы я знать, что с тобой случилось.

Голос Светланы стал совсем слабым, ее руки едва заметно дрожали. Он сидел и смотрел на нее. Пожалуй, он тоже был благодарен тому мужчине. Он мог рассказать, что ее жизнь совсем не была никчемной, что открытие все-таки было совершено, и Светлана все-таки заложила основу новой науки, которую человечеству еще предстоит оценить. Но и этого не сказал, потому что чувствовал, что ей сейчас хочется другого.

Ветер бросил в окно горсть снега, и на секунду стало совсем темно.

– И что же, – нарушил тишину Инженер, – получается, в этом доме жили ученые?

– Ученые, чиновники, учителя. Интеллигенция. Видишь, какие тут квартиры большие?

Такие квартиры давали ценным кадрам. Тут было очень уютно.

Инженер пожал плечами. Квартира, конечно, хоть и действительно была большой, но уютной точно не выглядела. Старой, неухоженной, но не уютной.

Пурга набирала обороты, ветер выл в вентиляционных шахтах.

– А вы здесь давно живете?

– С девятнадцати лет, – ответил Слесарь.

– А почему не уедете?

– Куда? В Город-Дом? Или на юг?

– Ну... куда-нибудь.

– А кому я там нужен?

– Ну, вы же можете развивать что-нибудь с вашим образованием. Стать начальником...

– Ты не понимаешь: современные начальники – это молодые люди в костюмчиках, которым нравится строить графики и выступать на совещаниях. Их поставили туда родители – бывшие настоящие начальники, желающие детям всего хорошего. Их отпрыски ничего не умеют, только перекидывать ответственность на подчиненных. Проект Города-Дома начал реализовываться двадцать пять лет назад, но его делали не вы, а мы. У вас бы это уже не получилось.

– Ну вот прямо вы.

– И я в том числе. Мы хотели сделать что-то грандиозное, пространство, где всем будет комфортно. Знаешь, сколько в этом было энтузиазма? А в итоге нам же и не нашлось в нем места, потому что с концом первого этапа строительства уже все изменилось, и туда тут же переехал новый директорат, их помощники, менеджеры, инженеры вроде тебя, и стали в нем жить. А нам взамен дали несколько премий. Хотя толку-то от них.

– Вы его разрабатывали?

– Не я автор идеи, если ты об этом, – сказал Слесарь, – но проект – это всегда коллективное творчество, и я принимал в нем участие.

– Но двадцать пять лет назад еще не было таких умных электронных систем.

– Ну, не совсем. Не было технологий, которые обеспечивали бы скорость вычислений, а представление о кибернетическом подходе к управлению жилым пространством очень даже было. Идея была в том, что Город-Дом сам управляет всеми процессами с точки зрения комфорта людей, регулируя вентиляцию, свет, распределяет движение лифтов самым рациональным образом и... ну, угадывает желания, что ли. Аналитическая система, которая понимает людей. Она была разработана и легла в основу управления Города-Дома, а уж потом ее решения перенесли на современные мощности.

– То есть, искусственный интеллект?

– Ее изыскания использовались, – Слесарь ткнул грязным пальцем в шкаф, – считалось, что компьютер, способный угадывать желания людей, должен иметь логику человека, которая возможна только при строении, аналогичному человеческому. Но это не искусственный интеллект. В смысле, не нечто разумное, скорее чувствующее. Мы ведь оцениваем комфорт сперва на уровне ощущений, а уже потом их осмысливаем, так? В этом и была идея: ощущение – первый уровень обработки информации, аналитика – уже второй уровень.

Инженер ничего не понял.

– Ну и как оно, работает?

– Это ты мне скажи, работает оно или нет, – сказал Слесарь, – я не знаю, я был-то в Городе-Доме после его сдачи всего раз десять, и то, когда нужно было попасть в аэропорт.

Инженер вновь взглянул на шкаф. Если это то, что послужило идеей для Города-Дома, то ему самое место в местном музее. Он туда ходил с Ирой, когда у той случился очередной кризис в личной жизни, в надежде заместить вакантное место второй половины. Там, правда, про искусственные интеллекты не говорили, но зато рассказывали об адаптивной системе автоматического управления городом. Вроде то же самое, о чем и говорил Слесарь.

Ирина родилась не в Городе-Доме, но довольно рано переехала туда и с тех пор выбиралась за его пределы лишь несколько раз. Свободное время она посвящала жизни модели из интернета, скрупулезно ведя несколько аккаунтов, и имела несколько тысяч верных подписчиков. Солярий, тренировки, работа, отдых в ресторане или клубе – вот жизнь в Городе-Доме, которая тщательно фиксировалась ею в сети. На взгляд Инженера – хорошая, интересная жизнь, раз ее можно показать другим. Она не нравится Слесарю? Разве лучше, чтобы было как в прошлом: коллективное творчество за светлую неосуществимую идею и болезни от плохой экологии в качестве награды? Сам Слесарь отнюдь не выглядел образцом успешного человека: небритый, с небольшим брюшком и красными глазами, все пальцы в заусенцах, унылая работа...

– А я не имею ничего против Города-Дома, – сказал Инженер, – там по-настоящему здорово. Жаль, конечно, что вам не дали в нем квартиру, но если хотите знать мое мнение, то благодаря вам он вышел грандиозным.

– Да кто бы спорил, – пожал плечами Слесарь, – ты, наверное, сюда каждый день с отвращением едешь, дескать, грязное место с заброшенными домами. На твоём месте я бы так и думал. Другое дело, что все те люди, что создавали Город-Дом, жили прямо здесь, в холоде, в гниющих домах, где пахнет сыростью, и по полгода почти нет нормального дневного света. На мой взгляд, уже этого достаточно, чтобы относиться с уважением к этим развалинам.

Инженер не стал спорить. Чего он действительно не хотел, так это оставаться здесь дольше, чем требуется. Закрыв глаза, он представил, как тут жила та самая женщина, что пыталась придумать машину, которая что-то там чувствует. Сидела по ночам за тем столом, заваленным документами и слушала, как завывает ветер. Периодически заходили соседи, тоже какие-то местные интеллектуалы, пили чай из чашек с нарисованной на боках искусственной гжелью и разговаривали о науке. Во время демонстраций по государственным праздникам пели свои патриотические песни под гитару о предстоящей победе коммунизма. Как в будние дни стояла на остановке в ожидании пропавшего бензином автобуса, вглядываясь в пургу, а ветер пытался столкнуть ее на дорогу. Разве по такому можно было испытывать ностальгию?

Быстрее бы все закончилось, – думал Инженер, – и я бы пришел домой и принял горячий душ, чтобы прогнать это ощущение холода.

– Вроде все, больше уже не побегит, – будто прочитав его мысли, сказал Слесарь, – поднимусь в последний раз наверх и потом пойдем. А... да.

Он достал старый телефон, какие Инженер видел только в детстве и набрал какой-то номер.

– Девушка, машину через десять минут в центр. Улица Ленина 4. Во двор не надо, тут сугробы. Да. В Город-Дом. Хорошо, спасибо. Ну вот, видишь, – сказал он, возвращая телефон в карман, – машины еще как ездят. Только выйдет чуть подороже. Но ты ведь нормально зарабатываешь? Пойду, открою вентиль на полную мощность.

Оставшись один: парень подошел к сумке Слесаря и принялся складывать в нее инструменты – ключ, нож, обрезки прокладки, тряпку...

Этому мужику явно было обидно за то, что его жизнь не сложилась так, как того бы хотелось. Жаль, конечно, он вроде нормальный, но таких много, и он, Инженер, в их несложившейся жизни не виноват.

За спиной Инженера из шкафа снова раздалось шипение. Кто-то выпустил воздух.

– Почему ты не дышишь, когда он здесь? – прошептал Инженер.

Стараясь не скрипеть половицами, будто это могло спугнуть скелет, Инженер подошел ближе. Ребра как будто уменьшились в объеме.

Хлопнула наружная дверь.

– Ну что? – Слесарь резанул светом по лицу Инженера, – тебе все не дает покоя эта штука? Смотри, – он взялся за позвоночник модели и вытащил ее из шкафа, – Видишь? Оно уже давно не работает. Не подключено.

Обрезанные провода болтались в воздухе.

– Да, мерещится мне тут... А где сейчас разработчица этого... оборудования?

– Где-то в Городе-Доме, хоть ей дали там квартиру. Мы много лет не общаемся. О, ты уже все сложил. Молодец!

Слесарь вернул ржавый скелет на место и пошел за сумкой.

Инженер закрыл дверцы шкафа.

Раздался противный тонкий монофонический телефонный писк.

– Да... – ага. Спасибо, девушка! За тобой приехало такси. Пойдем, а то еще и за простой будешь платить.

Он затопал по коридору в направлении двери.

– А вы запирайте не будете?

– Старшая по дому запрет. Я ей позвоню.

Дверь из подъезда словно вела в иной мир, состоящий из снега и ветра, с далеким-далеким призрачным домом напротив. Снег летел, казалось, со всех сторон, твердый и колючий, он неприятно ударил в лицо Инженеру. Все следы, ведущие к этому подъезду, уже были заметены.

– Ты иди, – сказал Слесарь, чиркнув зажигалкой в тамбуре и поджигая сигарету, казавшуюся чересчур тонкой в его огромных пальцах, – я сейчас, пока курю – позвоню, чтобы дверь закрыли.

– Так вас, может, подобрать? – спросил Инженер, натягивая капюшон на голову.

– Нет, мне тут два квартала пройти. Не сдует. Иди, давай.

– Ну ладно, – Инженер хотел было протянуть ему руку на прощание, но посмотрел на эти грубые пальцы и передумал, – до свидания.

– Угу, пока.

Снежная мгла окутала его, заползая в каждую щель: под капюшон, под перчатки, ветер вытягивал тепло из-под специальной современной зимней куртки. Ощущение, что еще чуть-чуть и стихия возьмет верх, было столь сильным, что Инженер, не выдержав, трусцой, насколько позволяли свежие сугробы, побежал в арку и, прорвавшись сквозь нее, как сквозь туннель, выскочил на свет фар прямо к старой ржавой колымаге, из которой оглушительно громко играла музыка.

– В Город-Дом? – у водителя была короткая борода и сигарета во рту. Никотином воняло на весь салон, а окна он, по понятным причинам, и не собирался открывать.

– Да, – Инженер упал на заднее сиденье, посмотрел вперед и опустил взгляд – видимость была такой, что лучше не думать о том, как они поедут.

– Понятно, – таксист нажал на газ, и машина, проскользнув колесами, взревела, сдала назад и с рывком поехала по улице, поднимая в воздух снег позади себя, – заработались?

– Ставили муфту на трубу в одной квартире.

– Ага, правильно. По-хорошему бы сделать капитальный ремонт, отремонтировать все трубы, и можно было бы жить дальше, а? Не всем же селиться в Городе-Доме, правда? Я думал, сейчас коммунальщики ремонтируют только то, что еще действует, а то, что уже нет – просто бросают. Но вы, я смотрю, все-таки налаживаете тут все понемногу?

– Да нет, мы тоже ремонтируем только жилой фонд.

– Да? А почему тогда в том дворе никто не живет?

– В каком смысле, не живет? – не понял Инженер.

– Ну, в свое время тут жили разные научные работники, которые трудились на производстве и, вроде, придумали что-то для Города-Дома. Но с тех пор, как их расселили, здесь больше никого нет. Уже лет двадцать.

– Не живет? – еще раз уточнил Инженер, – а кто отвечает за дом? Есть же старшая по дому.

– Какая старшая по дому? Все на балансе у администрации и официально законсервировано. Я уже пятнадцать лет работаю таксистом и знаю, где кто живет, а где – нет. Здесь точно никого. А что? Неужели незаметно было?

– Да... ничего, я просто об этом не знал.

– Ну...

Такси медленно миновало последнюю линию домов, выбравшись на финишную прямую к сияющему огнями Городу-Дому, и таксист сосредоточенно замолчал. Ветер свирепо и лихо с новой силой, закружил вокруг одинокой прокуренной машины, словно не желая выпускать ее из почти мертвого города.

Город-Дом изначально был организован таким образом, чтобы в течение двадцати минут было возможно добраться до любой его точки, если использовать кратчайший маршрут. Система лестниц и лифтов, служебные коридоры, широкие «улицы» и «аллеи» – как назывались прогулочные участки с панорамными окнами и рекламными экранами, чередующиеся с кадками с растениями и лавочками между ними. Для наиболее быстрых перемещений имелись грузовые лифты – вертикальные и горизонтальные, сделанные без заботы о комфорте людей, зато позволяя перемещаться буквально сквозь город, минуя людские очереди. Вся система работала как часы, и часто подавалась урбанистами, как серьезное преимущество Города-Дома перед обычными городами с предсказуемым трафиком, но без интеллектуального подхода к его регулированию.

Но время от времени, как сейчас, что-то шло не так.

– Может быть, вышлете еще одну тележку? – спросил врач скорой помощи, сидя на лавке под неуместной для данного климата пальмой и глядя в окно на то, как пурга затягивает окружающий мир, – у нас все-таки срочный вызов.

– Извините, – ответила девушка-оператор, не имеющая никакого отношения к медицине и логистике, – проблема не с нашей стороны. Подождите еще немного. Служба поддержки лифтов сообщает, что запустит застрявший через пару минут. Был программный сбой.

– У нас тут человек может умереть.

– Понимаю, – заученным голосом сказала девушка-оператор, – но проблема не с нашей стороны.

Будто с роботом разговариваешь.

Врач скорой помощи отключился и хлебнул кофе из картонного стаканчика, взятого в автомате рядом. Такие автоматы сейчас стояли повсюду, чтобы люди не тратили время дома на его приготовление.

– Пара минут, как говорят, – сказал он фельдшеру – суровой маленькой женщине, чья основная задача заключалась в том, чтобы отгонять родственников, обычно безуспешно пытавшихся помочь врачу, – ничего себе пурга снаружи!

За шесть часов, прошедших с начала смены, их дважды вызывали пожилые женщины. Одна – для того, чтобы ей поставили укол, хотя это не являлось работой скорой помощи, другой было просто скучно, и пока это не стало очевидно она заставила выслушать подробный рассказ о всех своих немалых недомоганиях. После пожилых женщин бригада скорой помощи оказалась в служебных коридорах, где человек упал на изолированную трубу теплотрассы и получил ожоги – не сильные, но скорая помощь требовалась, чтобы зафиксировать место получения травмы для комиссии по охране труда. Последний случай был с наркоманом, кото-

рый во время трипа выдумал, будто умирает. Не самый лучший день, и застрявший лифт, в некотором роде, был логичным его продолжением.

– А я там когда-то работала, – сказала фельдшер, показав за окно, – Не в самом старом городе, а рядом, на заводе. Была дежурным медиком. Приходилось носить по две кофты, чтобы не замерзать в такую погоду.

Врач поежился. На самом деле, доктора из больницы Города-Дома периодически отправлялись на дежурство в старый город, но случалось это нечасто. На его долю такое дежурство пришлось лишь дважды и только летом, когда ночью было светло, как днем, а погода – хорошей. Тогда старый город казался просто развалинами, как Пальмира или южноамериканские индейские города, только куда менее живописными.

Двери служебного лифта открылись без предупреждения, явив, наконец, каталку со всем необходимым оборудованием. Картонный стаканчик полетел в урну, стоявшую у выхода. Команда скорой помощи поспешила пересечь площадь, открыла прозрачные двери жилого сектора, проведя картой по считывателю, уже, наверное, час как настроенному на пропуск медицинского персонала по вызову.

В жилом секторе не было музыки и рекламы на стенах, лишь коридоры и двери квартир по обе стороны: одинаковые из темного пластика под дерево, с аккуратным номером наверху. Впереди, во всю стену, располагалось противоударное панорамное окно, но из-за бури в нем были видны лишь снежные завихрения, причудливо извивавшиеся так, словно снег был живым.

– Вот эта, – фельдшер сверилась с планшетом и показала на одну из дверей, точно такую же, как и все остальные.

Врач нажал на кнопку звонка, а потом толкнул дверь. Та оказалась незапертой.

У главных ворот в Город-Дом архитекторы разбили гигантскую парковку, ныне полупустую и занесенную снегом. По ней ездил одинокий грейдер, безуспешно пытаясь справиться с непогодой, хотя любому, и в первую очередь водителю грейдера, наверняка было понятно, что сейчас и в одиночку ничего сделать нельзя. Парковка освещалась белыми галогеновыми фонарями, превращая летящий снег в сюрреалистично мерцающие хлопья.

– Ну все, приехали, – сказал таксист, тормозя у последнего фонаря, неподалеку от полицейского поста.

Инженер приложил карту к грязному считывателю, дождался, пока пройдет транзакция и вышел. Эту часть дороги он терпеть не мог – на парковке не было даже тоненьких тундровых деревьев – призрачной защиты от ветра. А ветер здесь никого не жалел, по полной отводя душу на тех, кто спешил укрыться за центральными воротами.

Он преодолел последние метры бегом.

Ворота были открыты. Сразу за ними гудели тепловые завесы, убивавшие снег на подлете, а теплая дорожка убивала лед, попавший на пол, отводя воду в специальные трапы. Шагнув под электрический свет, Инженер наконец почувствовал себя дома. Он достал телефон, но тот оказался разряженным.

Ну и ладно, – подумал он, – все равно с Ирой сегодня увидеться уже не получится. Уж лучше дома принять горячую ванну. Часы над рамкой металлоискателя говорили о начале седьмого вечера.

В лифте на первом уровне в это время суток ехали рабочие, обслуживающие производственные установки, расположенные здесь же: фабрики, комбинаты, очистные сооружения, – по домам. Стайка женщин в производственных халатах перешучивалась о каком-то Борисе, с любопытством поглядывая на Инженера в уже не залепленной снегом, но вымокшей куртке.

Будто целую вечность там провел, – подумал он и, вдруг подчиняясь неожиданному порыву, обратился к женщинам:

– Извините, а вы не подскажете, какое сегодня число? У меня телефон сел, у мамы день рождения, а я потерялся во времени... – Инженер виновато улыбнулся. Женщины заулыбались в ответ.

– Четырнадцатое декабря, – сказала одна из них, – успеваете?

– Успеваю, – кивнул он, – день рождения завтра. Спасибо, – а сам подумал, что хоть дату помнит верно.

Они ехали на лифте до четырнадцатого уровня и всю дорогу улыбались ему, хотя Инженер больше ничего не сказал. Обычно в лифтах он слушал музыку, но из-за неработающего телефона пришлось слушать рекламу. Инженер узнал, что новая зубная паста от известного производителя содержит микрогранулы, которые очищают даже самые труднодоступные поверхности, и что производитель электронных гаджетов выпускает новую флагманскую модель телефона, которую просто обязаны купить все, кто живет в ногу со временем.

Может и куплю, – подумал Инженер, – если аккумулятор нормальный.

Дальнейший его путь лежал по привычной траектории: на четырнадцатом уровне переход в сектор Б2, называемый «Северным» из-за характерных рисунков, сделанных по мотивам фольклора аборигенов, что когда-то давно тут жили безо всякой цивилизации и заводов. Потом в другой лифт до двадцать четвертого уровня, переход через зону ресторанов, где он задержался, чтобы купить себе еды: по вечерам еда в ресторанах быстрого питания шла за половину стоимости – и недорого, и готовить не надо. Еще один коридор, на этот раз с прозрачными стенами, за которыми, впрочем, сейчас ничего не было видно и выход в сектор Г1, называемый «Уютным» за персикового цвета стены и мягкую мебель в общем холле. У дальнего лифта стояла пара врачей с каталкой, на которой кто-то лежал. Рядом с ними расположилась шумная компания подростков, вероятнее всего вышедшая из кинотеатра, расположенного через коридор отсюда.

Открылись двери лифта, и Инженер прибавил шагу, чтобы обогнать выходящих из него людей, провел электронным ключом по считывателю, открывавшему вход в жилую секцию, и пошел туда, где его ждала горячая вода.

Ностальгия третья: о том, чего больше не будет, или за ночь до завтра

Пробуждение оказалось резким и неприятным, а окружающая тишина казалась оглушающей: вокруг больше не было незнакомых людей, в ушах не гремела электронная музыка, рядом спала жена, разложив руки по кровати так, что для Кирилла осталось место только на самом краю. Красный свет сигнальных огней с крыши соседнего более низкого корпуса тускло светил сквозь толстые шторы. Подлетающим к аэропорту вертолетам наверняка было видно, где эта крыша, вот только зачем, если рядом располагался корпус выше?

– Вряд ли на этом уровне вы найдете квартиру дешевле, – сказала риэлтер три года назад, не уточнив почему, а Кирилл и Света не спросили. Теперь Кирилл был благодарен родителям Светы за шторы – подарок на свадьбу.

В желудке ощущалась пустота, в теле – странная слабость, будто сон, вместо обещанного учеными восстановления, наоборот, поглотил последние остатки сил.

Кирилл поднялся и, стараясь не разбудить жену, пошел на кухню, где в холодильнике, как он знал, ожидали своей участи остатки салата. Часы на кухонной стене показывали глухую половину четвертого ночи, и завтра он будет жалеть о том, что поднялся так рано, чтобы поесть.

– Овощи здесь дорогие, – Светка любила повторять эту фразу, как заклинание, словно продавцы овощей однажды замучаются совестью и снизят цены. Таких заклинаний было много: в Городе-Доме нет свежего воздуха, тесно, мало зелени, не бывает тепла в ее понимании – то есть градусов тридцати – подарка от жаркого летнего солнца.

Кирилл поставил салат на стол и вонзил в дорогие овощи вилку.

Вчера Света рассказала, что на работе ее все раздражает, что Кирилл не так складывает вещи на полках, и что у нее закончилась какая-то косметика, а новая будет добираться на север целый месяц.

А до этого сказала, что Кирилл от нее устал.

– Я чувствую, что это так, – за короткую минуту до того попросив тоном, каким обычно не просят, не ставить стаканы на сушилку вверх дном, – я тебе не особо нужна, так ведь?

– Шутишь? Совсем нет, – ответил Кирилл, хотя хотел сказать, что устал слушать, когда ему рассказывают об этом. Но не стал, он знал, подобный ответ приведет к неизбежному душному скандалу с десятком обвинений, главным из которых будет довод о том, что он против воли затащил жену в ненавистный Город-Дом, и теперь Кириллу еще и наплевать на то, что ей плохо.

Не особо нужна? – после спрашивал сам себя Кирилл. Нужна. Но, пожалуй, он и в самом деле не испытывал потребности в постоянных придирках и упреках. А, может быть, и действительно устал от вечного недовольства. Пожалуй, знает он о том, что через три года придется слушать каждый день негатив в адрес окружающего мира, Кирилл не стал бы везти ее сюда. Да и жениться бы, скорее всего, не стал. Но он не предполагал, что к двадцати восьми годам Света явит главным своим качеством сварливость и скверный характер. Кирилл помнил ту Светку, в которую влюбился, и все надеялся, что когда-нибудь она вернется, скинет маску недовольной жены и скажет, что то была игра или какая-то глупость, и отныне все станет как раньше здорово.

А сегодня этот сон.

Холодную курицу, редкий сыр и пожухлые листья салата он запил местной ледяной газировкой, оказавшейся удивительно вкусной для места, где пищевое производство отнюдь не процветало.

Кирилл пил и медленно остывал от сна.

Сон оказался очень реалистичным. Кирилл спускался на нижние уровни Города-Дома, где, следуя современным тенденциям, организовали общественное арт-пространство: в большом зале поставили макет старого парусного корабля, а вокруг разместили зоны отдыха в несколько уровней и разные закоулки для релакса. Оглушительно гремела музыка, и было очень людно.

Зачем Кирилл туда шел? Он не мог ответить. Кирилл не был общительным человеком ни в жизни, ни в работе: программист, поддерживающий промышленный софт. Его офис располагался в Городе-Доме, а софт использовался в промзоне, куда Кирилл ни разу за все время пребывания здесь не съездил; на работе он и коллеги все больше молчали, глядя в мониторы и общаясь, в основном, в чатах. За каким чертом ему понадобилось это арт-пространство, если Кирилл не любит толпу?

Кирилл прислушался к спальне: оттуда не доносилось ни звука. Светка хоть и говорила, что спит очень чутко, и что он периодически мешает ей своим храпом, но на самом деле всегда спала как убитая. Во всяком случае, разбудить Свету по утрам было занятием нетривиальным.

Очень странно, – думал он, – спать рядом с женой и видеть сон о том, как ей изменяешь. И, несмотря на то, что фактически даже во сне ничего не произошло, Кирилл все равно ощущал это послевкусие, странное ощущение колючей совести и желания одновременно.

И все потому, что во сне хотел изменить.

Точнее говоря, если уж быть совсем честным, во сне Кирилл понимал, что собирается изменить Свете, но не мог и не хотел останавливаться.

А теперь хотелось пойти к ней, разбудить, обняв и прижать к себе. Но Кирилл знал, что сонная Света просто отпихнет его и, в общем-то, будет права: завтра рано вставать.

В том сне Кирилл ходил по арт-пространству с кораблем, слушал музыку каких-то диджеев, которую, в целом, и не понимал, и не любил, растворялся в полутьме, периодически разрываемой жгучими софитами, создававшими своим движением визуальный хаос; протискивался мимо людей, пришедших просто потусоваться, мимо этого макета, построенного, как ему казалось, хоть и искусно, но несколько неуместно для Города-Дома. Кирилл искал короткий путь к лифтам на свой уровень, но вместо лифтов увидел ее.

Девушка была моложе Кирилла: длинные волнистые волосы свободно падали на плечи и спину, на лице веснушки, а общий вид был таким задорным и хитрым, какой бывает у людей, задумавших какую-нибудь шалость.

Конечно она была красивой, но Кирилл много кого считал красивым. Красивых людей вообще хватает, и это не повод знакомиться и, тем более, изменять. Но она поймала его случайный взгляд и мягко улыбнулась, и Кирилл улыбнулся в ответ.

На девушке были джинсы и синяя рубашка, она была ниже его и выглядела куда более хрупкой. В искусственном свете ее лицо казалось бледным, а глаза – огромнейшими, глядящими Кириллу в душу. Она протянула свою узкую белую руку и вложила в руку Кирилла, и он через секунду уже обнимал девушку за талию.

– Классно тут? – девушка прижалась к нему, чтобы дотянуться до уха и перекричать музыку.

Кирилл не считал, что здесь классно в целом, но момент был по-настоящему волнительным и потому кивнул в ответ.

Момент был классным.

Кирилл вспомнил, как во сне коснулся носом ее волос, – и это воспоминание заставило его сердце колотиться сильнее.

За кухонным окном тоже мигал красный свет. Тонкая, полупрозрачная кухонная занавеска почти не скрывала ни крышу корпуса, ни, тем более, огня, за которыми все тонуло во мраке. На улице опять поднималась метель, отгораживая Город-Дом от всего мира, делая его самым одиноким на свете поселением.

– Пойдем, – сказала девушка во сне и, держа за его за руку, повела за собой. Они свернули в один из проходов, проталкиваясь между стоящих там людей. Зачем кому-то просто стоять в полутьме, – думал Кирилл, шагая за девушкой и разглядывая ее спину. Девушка же шла вниз по лестнице в общее пространство, где стоял корабль, в сквозной проход в нем на другую сторону. В корабле тоже были люди, стоящие и танцующие. Тусклый свет, прятанный в деревянной обшивке, создавал мистическое ощущение иллюзорности происходящего.

Иллюзорности происходящего, – усмехнулся Кирилл, – это во сне-то!

Они протолкались сквозь корабль через трап до стены и очередной лестницы, по всей видимости ведущей в какое-то заведение. Здесь в очереди стояли люди, а у самого входа высился рослый мужчина в черной рубашке.

Девушка махнула ему, как старому приятелю, и тот открыл дверь.

Кирилл прокрался к двери спальни и посмотрел на Светку. Все как обычно: волосы разметало по подушке, руки там, где раньше лежал он. Складывалось впечатление, что без него Света наконец-то нашла для себя достаточно пространства, чтобы разместиться на кровати с комфортом.

Позавчера она говорила, что болит живот. ПМС, который у нее всегда проходит тяжело. Кирилл не особо разбирался в женских циклах, но считал, что это естественная функция организма, свойственная большинству женщин, и не является подвигом, и не должна быть причиной злиться на весь мир, даже если больно. Он ведь не злился, когда у него болел зуб, или болела голова, или он уставал. Света считала иначе, становясь в эти дни невыносимо капризной, увеличивая степень жалоб вдвое. А Кирилл рядом с ней чувствовал себя тем раздражающим лишним элементом, который имеет наглость быть здоровым в тот период, когда она – нет.

Во сне с той рыжей девушкой они оказались в вертикальном тесном клубе. За первым же лестничным поворотом, едва оказавшись чуть поодаль от толпы, они уже целовались. Кирилл не помнил, кто кого поцеловал первым, но помнил, что все, что происходило дальше, ощущалось очень естественно: вдруг выяснилось, что Кирилл сидит, девушка сидит на нем сверху, на Кирилле спущены джинсы, а вокруг ходят люди, и всем наплевать на них двоих...

Кирилл пошел в ванную комнату и долго всматривался в лицо в зеркале.

Он не был красавцем, не был уродом: обычный мужчина, чуть бледнее, чем все остальные люди в мире, как, впрочем, и любой житель Города-Дома, почти лишенный солнечного света благодаря закрытому пространству и полярной зиме. Короткие темные волосы, двухдневная щетина, лицо чуть осунулось, наверное со сна, красные глаза. Кирилл не был ни толстым, ни худым, он был обычным и хорошо осознавал свою обычность. Он хорошо делал свою работу, достаточно хорошо, во всяком случае для того, чтобы снимать квартиру в не самом дешевом блоке Города-Дома и откладывать, чтобы лет через пять позволить себе по-настоящему отличное жилье где-нибудь на юге или на западе страны. Но в остальном Кирилл был обычным. У него был неплохой семейный достаток и красивая жена, которая была Кириллом недовольна.

Во сне все закончилось очень просто. Во время той прелюдии, случайно подняв голову, Кирилл вдруг увидел женщину в черном, которая сидела за стойкой бара, чуть выше по лестничному пролету. Она единственная внимательно смотрела на то, что происходило у них. И вместе с ее взглядом вдруг пришло осознание происходящего: он находится в ночном клубе с незнакомой девицей, с которой собирается заняться сексом у всех на виду. Это осознание ударило как молотом, заставив остановиться. Девушка, почувствовав это, тоже остановилась и понимающе посмотрела ему в глаза. Она все еще загадочно улыбалась, но теперь к этой улыбке примешивалась еще и толика сожаления. Девушка поднялась, поправляя свою рубашку, застегивая пуговицы, которые Кирилл уже успел расстегнуть, кивнула ему и быстро пошла по лестнице.

Кирилл же, задержавшись на секунду чтобы поправить джинсы, бросился за ней и проснулся, вывалившись в обычную жизнь.

Он набрал воды в ладони и, скорее бросил ее в лицо, чем умылся.

Итак, формально это не было изменой, но Кирилл все равно чувствовал себя изменником. Впервые в жизни.

Он вышел из ванной.

Красный свет продолжал назойливо светить в окно. В целом, от него имелась некоторая польза: например, ночью не надо было включать электричество для того, чтобы дойти до туалета или посидеть на кухне, все и так видно, пусть и с чересчур резко очерченными тенями.

Две или три недели назад, когда они ходили в гости к одним из немногих друзей, которых успели завести, Света сказала, что ненавидит это освещение.

– Но Кирилл настоял на выборе этой квартиры, сказав, что здесь хороший этаж и приемлемая цена, – эти слова были сказаны будничным тоном и даже с юмором, в контексте какого-то разговора о жилье, но Кирилл уловил очередную претензию, из тех, на которых нельзя прямо поймать.

– Я это просто так... – было бы ответом, скажи тогда Кирилл, что уже устал слушать о том, что она вечно недовольна.

Некоторые вещи Света повторяла так часто, что слова «просто так сказала» было бы правильной заменой на – «постоянно говорю».

– Давай переедем, – ответил тогда Кирилл, просто чтобы показать: он совершенно не против ее точки зрения.

– И затевать очередную кутерьму с вещами? – спросила в ответ Света.

– Если тебе там плохо, давай затеем кутерьму.

– Ну нет, ты ведь этого не хочешь, – хотя Кирилл не говорил хочет или не хочет переезжать.

Друзья, похоже, тогда почувствовали напряженность между супругами, но промолчали, не влезая в семейные разборки. Просто остаток вечера прошел хуже, чем ожидалось, а Кирилл в очередной раз ощутил себя человеком, который в любой ситуации останется виноватым: и квартиру он выбрал неправильную, и переезжать теперь поздно... и вообще все не так.

И он не знал, что с этим делать.

Спать не хотелось.

Утром надо будет идти на работу, и логично было бы вернуться в кровать, но Кирилл уже проснулся, поел и умылся.

Прокравшись в спальню, он снял телефон с зарядки, вернулся на кухню и открыл местные новости. В Городе-Доме все было хорошо в отличие от мировых событий. Местные всегда были позитивными и простыми: в насосной на первом этаже увеличили мощность, комиссия признала Город-Дом самым технологичным строением страны, отрегулирована система кондиционирования, в краеведческом музее открылась экспозиция, посвященная жизни местных племен, которые проживали здесь до появления того, что считается современной цивилизацией. На третьем уровне открылось арт-пространство «Корабль», представляющее собой макет деревянного парусника, разделяющего зал на две части. В паруснике имеется бар, танцпол и лаунж-зона...

Парусник... Кирилл смотрел на фотографии корабля: полутемная неуместная конструкция, зажатая в бетоне и поднимающаяся вверх копиями мачт под самый потолок.

Может быть, Света о нем рассказывала? Она каждый день изучала разные интересные культурные события, что случались в Городе-Доме, порой присылая Кириллу ссылки на них, без каких-либо пояснений или предложений. При этом, ходить на них Света не ходила, а когда Кирилл звал, пускай это, надо признать, и бывало нечасто, всякий раз находилась причина против: отсутствие времени, плохое самочувствие или что-нибудь еще.

Кирилл рассматривал фотографии корабля.

В отличие от Светы, ему здесь нравилось. Да, Город-Дом сложно было назвать местом, где много зелени, даже снаружи, даже летом. Но зато все построено с большой любовью и постоянно развивалось. Кто бы ни был основным архитектором этого комплекса, сама идея создать локальное пространство для комфортной жизни в совершенно некомфортных климатических условиях была прекрасной, и будущее здесь на шаг ближе, чем в остальном мире. Полярной ночью, когда окружающий мир не был виден за окнами, легко представлялось, как подобные Города-Дома однажды вырастут на других планетах, куда человечество обязательно полетит, когда решит, наконец, все свои бесчисленные бюрократические, политические и финансовые проблемы.

Они приехали сюда по контракту. Кириллу предложили очень выгодные условия, от которых было сложно отказаться.

– Вам придется пять лет жить в Городе-Доме, – предупредила девушка-рекрутер, – на Крайнем Севере. Вас не смущает подобная релокация?

О Городе-Доме ходили легенды, поэтому Кирилл посчитал такую перспективу дополнительным бонусом, от которого, естественно, не стоит отказываться. Но, конечно, сперва спросил у своей супруги.

Света в тот момент не была против. Свою точку зрения она начала менять месяцев через шесть после переезда, понемногу подмечая недостаток за недостатком до тех пор, пока их не стало столько, что о них стало возможно говорить бесконечно. Складывалось впечатление, что любой город кроме Города-Дома был идеальным, а это место будто специально для Светы построено плохим.

Два года. Оставалось продержаться всего два года, напоминал себе Кирилл, когда слушал о том, что на двенадцатом техническом этаже прорвало трубу и все залило, или о том, что здесь всего две службы доставки еды, или о том, что строительство метро перекрыло самый быстрый путь к работе Светы. Два невыносимых года, и можно будет уехать. Кирилл любил Город-Дом, но жену любил больше.

– Два года, – в очередной раз за последнее время пробормотал он, разглядывая фото корабля из сна, и вдруг, к этой мантре присоединилась другая мысль: а что, если и через два года ничего не изменится? Кто сказал, что уехав отсюда в какой-нибудь другой город, например Москву, Светка перестанет жаловаться?

Через два года все действительно могло измениться, но разве люди, которым вечно плохо, в любом месте не найдут причину для недовольства? А что если причина недовольства крылась не в месте жизни, как таковом, а в свойстве характера? А если в нем, в Кирилле? Что если Светка недовольна им, просто проецировала недовольство на окружающее пространство?

Слишком много мыслей для середины ночи. Теперь уже и не заснешь.

Приснившийся корабль расположился на фотографии, на экране реального телефона, лежащего на столе на кухне, очень похожей на образцовые витрины идеальных кухонь в магазинах. Красный свет за окном освещал современную мебель и абсолютный порядок.

Через минуту Кирилл уже доставал из шкафа свой спортивный пиджак и джинсы.

Что я скажу Свете, если она проснется? – думал он в ванной, когда чистил зубы, – что решил прогуляться?

В целом, конечно, это было правдой, пусть и странной. Все лучше, чем сидеть на кухне и жалеть себя. Однако, Кирилл знал также и то, что это была не вся правда, и ее глубинная истина надламывала саму суть семейных отношений. Но, даже понимая это, он не мог остановить себя, зная, что если сейчас не наденет туфли, и не выйдет из квартиры, то будет об этом жалеть.

Света так и не проснулась. Кирилл, не включая свет, собрал себя в приличный вид, положил телефон в карман и тихо щелкнул входной дверью.

Квартирная секция в ночное время подсвечивалась дежурным холодным светом. Умные системы Города-Дома старались как могли экономить электроэнергию, и без того вытягивая ее в невероятных количествах из окружающего мира: спасибо местной гидроэлектростанции и экспериментальным, постоянно обледеневающим ветрякам, героически работавшим под местным, порой бешеным напором ветра.

Он открыл и закрыл дверь секции и оказался в общем коридоре, опоясываемом центральной площадью уровня этого корпуса.

За окном вспыхивал алый свет, давая больше для взгляда, чем местное освещение в коридорах. Панорамные окна будто были созданы для него: ночь, метель, крыша соседнего корпуса подсвечивались алым; все прочее тонуло во мгле, словно Город-Дом и в самом деле стоял не на Земле, а висел где-то на орбите такой космической станцией из фантастических книг, которыми Кирилл зачитывался в детстве.

Стены раскрашены псевдосеверными мотивами. Сейчас повсеместно шел тренд на создание общественных пространств, из Города-Дома убирали рекламу, превращая коридоры, где это было возможно, в места для прогулок и отдыха горожан.

Что же в этом плохого? Кирилл шел вдоль разрисованных стен и думал, что ему нравится гулять по городу без куртки, несмотря на январь и жуткую стужу по ту сторону теплых стен. В Городе-Доме имелся сервис по прокату зимней одежды для тех, кто почти никогда отсюда не выходил, за исключением тех единичных случаев, когда все-таки требовалось: например, чтобы добраться до самолета. Сама инаковость этого места, отличие от всех других городов казалась Кириллу невероятной. Как Света не ощущает ее? Как будто в других городах метро не строят, и трубы не протекают.

Света говорила, что ощущает себя муравьем. А в других городах разве нет?

На площади с колоннами лифтов в центре стояла непривычная тишина. На лавке дремал хорошо одетый мужчина, неподалеку стояла молодая женщина, уткнувшись в свой телефон и больше ни на что не обращая внимания. У дальней стены, превращенной в панно с мозаичной композицией из людей и деревьев, располагались кадки с вечнозелеными растениями. Между ними деловито ходил работник с лейкой в руке, одетый в синюю форму управляющей компании. Больше ничего не происходило. Город-Дом был тих в этот час суток, и так будет примерно до половины седьмого утра, пока первые люди не потянутся на работу, и все не завертится вновь. Кирилл поднял глаза к палочкам ламп дневного света, выложенным в абстрактный узор. Сейчас горела каждая пятая, погружая площадь в приятный полумрак.

Нужный Кириллу лифт был пустым. Кирилл направлялся вниз, слушая рекламу какого-то йогурта. Приятный женский голос делал ему персональное предложение, рассказывая о здорьеве, которое приобретаешь по выгодной цене. Кирилл улыбался, сунув руки в карманы.

Они со Светой никогда не ходили в клубы. Сам Кирилл не любил танцевать и стеснялся своих неуклюжих движений на танцполе, а Света, кажется, считала, что клубы нужны только для того, чтобы искать быстрых знакомств, и, по понятным причинам, этим не интересовалась.

Может быть она и права.

Света и Кирилл познакомились на работе: Кирилл был молодым программистом, начинающим, джуниором, но очень хотел развиваться в своей сфере. Она была контент-менеджером и терпеть не могла свою работу. Он тогда позвал ее вместе пообедать, а потом в кино, а потом вдруг поцеловал, и все дальнейшее происходило так естественно, что было очень странно думать, будто все когда-нибудь может стать иначе, чем вот так: в одном стремительном потоке, мгновенно унесшим обоих. Все прошлые отношения Кирилла, скорее даже «отношения», как бы их надо было правильно классифицировать, ни шли не в какое сравнение с тем идеальным, что у них было со Светой. Во всяком случае, до переезда сюда.

У Светы за плечами имелся опыт непростых отношений с мужчиной старше ее на пятнадцать лет, очень обеспеченным и очень властным. Раньше Света рассказывала, что задыхалась

с ним и хотела свободы. В последние два года Света нет-нет но вспоминала о прошлом, рассказывая, например, что раньше у нее была возможность стать творческим человеком, видимо, имея ввиду то, что она бы занималась тем, чем хочется, пока другой мужик в обмен на ее тело оплачивает эту возможность. А Кирилл, хоть и зарабатывал немало, но, видимо, значительно меньше ее бывшего.

Здесь Света работала контент-менеджером в большом магазине.

Кирилл спускался в лифте и опять думал о том, что не знает, как сделать так, чтобы ей было хорошо. Но что странно, если раньше эта мысль погружала его в уныние, то теперь скорее настраивала на некую мрачную решимость и наполняла фаталистичным спокойствием.

Не может. Значит, это надо просто принять и больше не стараться.

Пространство с кораблем располагалось в противоположной части Города-Дома, но слова «противоположная часть», в данном случае, означали лишь необходимость в короткой прогулке по коридорам. Кирилл двигался по широким улицам третьего уровня, специально сделанным прогулочными; по обе стороны располагались темные витрины магазинов, а середина коридоров разграничивалась лавками, растениями или современным искусством: статуями, композициями, рисунками. Кирилл не очень хорошо разбирался в искусстве, но сейчас, в темноте и без людей, они воспринимались острее, ощущались как нечто большее, чем просто статуи, композиции или рисунки, значительно сильнее дополняя идентичность Города-Дома, нежели днем. Будто двигаешься по музею, кем-то и с большой любовью встроенному в обычную человеческую жизнь.

Вот переплетение тонких труб, похожих на трубы промзоны. Вот инсталляция из камней и железной руды – то, ради чего сюда и пришла цивилизация. Вот человек, вырастающий из пола и тянущийся к лампе...

Все было наполнено смыслом, все приобретало новые качества, но видеть это сейчас могли только Кирилл и полицейский, патрулирующий улицу.

За поворотом, ведущим в другой корпус, на радиальных лавках дремали какие-то школьники, одетые в неформальные мешковатые кофты с логотипами рок-групп. Кирилл был уверен, что рок свое уже отжил, и современные дети слушают другую музыку, но, похоже, ошибся – эти ребята были совсем юными. Они были так непосредственны, наивны и чисты, что невольно становилось завидно и горько. Вот девочка прислонилась к плечу мальчика, вот мальчик свесил руку и касался ею теплого пола – в одном этом моменте было больше трогательного, чем в неделе его семейной жизни.

Кирилл в детстве мечтал стать рокером, но потом это желание прошло, как и многие другие детские желания. И не то, чтобы это было плохо, но, глядя на детей, он вспомнил, как тогда считал себя единственно верным носителем правильных идей о том, каким должен быть мир, а рок-музыку единственно верным способом их донести, символом свободы, духом бесстрашия.

Кто знает, – подумал он, – если бы я стал рокером, то может и мир бы стал лучше, и жаловаться на окружающую жизнь было бы меньше поводов.

Он нашел нужный вход – узкую дверь с алым неоновым изображением корабля, а за ней – узкую лестницу вниз.

Музыка. Оттуда неслась музыка: электронная, ритмичная с гулками басами, с каждым шагом на новую ступеньку становясь все громче. Красный полумрак, сменивший дежурный бледный свет в коридорах, подчеркивал ее, будто намекая, что темп жизни здесь совершенно не такой, как в сонном Городе-Доме этого часа.

Лестница закончилась небольшой площадкой, с которой открывался вид на корабль. Он был действительно таким, как его нарисовал сон: того же размера, деревянный, со стволами мачт. По эту сторону внизу вдоль борта располагались бары, по другую сторону – двери, а пройти к ним было возможно сквозь корабль, в борту которого имелись ворота, через тра-

пик. Нос корабля искрился лазерами, в той стороне виднелась фигурка диджея, согнувшегося над вертушками. Невидимые Кириллу колонки исторгали из себя бит, а густой красный свет превращал окружающее пространство в полутемный адский мир, где предметы и люди смешивались в одну шевелящуюся массу. Кирилл повсюду видел темные силуэты: на палубе корабля, на лестницах, ведущих к палубе, у многочисленных баров на этой стороне. Силуэты корчились в танце, сбивались в компании, разбивались на пары, для которых здесь было достаточно интима, но и эти пары не выглядели отдельными, сливаясь в общий хаос. Хаос предлагал и Кириллу влиться, стать его частью, отречься от ежедневных проблем, объединившись с коллективным разумом этой дискотеки. А дальше уже как получится.

Он пошел вниз по широкой лестнице. Здесь стояли люди с бутылками в руках, склоняя головы друг к другу, чтобы перекричать музыку.

Кирилл разглядывал их и думал, что окажись среди них знакомые, он бы их не узнал. Само это место было предназначено для пребывания инкогнито.

Люди внизу ритмично двигались в такт музыке, их тени вторили им в каждой вспышке света. Какая-то девушка подняла руки в экзальтированном состоянии, а ее тень извивалась. Приоткрыв глаза, она сладко и сонно улыбнулась Кириллу.

Кирилл обошел девушку.

Он прошел мимо барной стойки. Здесь люди пили в одиночестве, глядя перед собой или пытаясь знакомиться, видел, как один силуэт кладет руку на колено другому, и хотя в том ничего особенного не было, в рамках всего происходящего сам момент движения руки к ноге другого человека казался необычайно важным и естественным, будто раздвигал границы возможного.

Он прошел мимо людей, обнимавшихся в кружке, протолкался мимо какой-то процессии, шедшей навстречу, почти не воспринимая их, настолько бесплотным казалось все в этом свете и в этом месте. Люди переговаривались, но Кирилл слышал только музыку. Он шел к трапу, ведущему ко входу в корабль, в его брюхо, а оказавшись на трапе, заглянул в пространство между кораблем и площадкой, но ничего не увидел, только темноту.

В корабле тоже были люди. Кирилл видел лестницу на палубу, бар, человека за стойкой в ослепительно белой рубашке, который кивнул ему и протянул бутылку с пивом. Кирилл отрицательно покачал головой.

Именно здесь он проходил с той девушкой, она вела Кирилла за руку вперед к трапу на противоположную сторону, к темному прямоугольнику двери за ним.

Выход. А вот и прямоугольник. Сейчас перед дверью не было очереди, но тот самый охранник присутствовал. Кирилл ступил на первую ступеньку и кивнул ему, а потом на дверь. Охранник внимательно посмотрел в лицо Кириллу и открыл проход.

За дверью была знакомая узкая лестница ведущая вверх.

Здесь музыка звучала чуть тише, но свет был таким же. Длинные и узкие красные лампы светили под потолком, открывая взору в конце лестницы помещение лаунж-бара с мягкими мешками-креслами.

Кирилл обошел мужчину, стоящего у выхода с лестницы. Огляделся: кто-то курил кальян, порождая медленно плывущие клубы дыма, кто-то целовался, заняв два кресла-мешка и, судя по страсти, их поцелуи вот-вот могли перейти в нечто большее. Окружающим было наплевать.

Той девушки здесь не было. Она ушла в проход дальше, вон в ту дверь.

Кирилл подошел и прислушался. Толкнул дверь. За ней открылась новая узкая лестница. Кирилл поднимался, на этот раз в одиночестве, здесь уже не было отдыхающих. Музыка стихала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.